

В. И. СЕРТЁНОВ

The background of the cover is a dramatic oil painting. It depicts a large ship, possibly a battleship or cruiser, on the left side, partially obscured by a massive, towering explosion. The explosion is rendered with thick, expressive brushstrokes in shades of dark grey, black, and vibrant reds and oranges, suggesting intense fire and smoke. Debris is visible falling from the ship. The sea in the foreground is dark and turbulent, with small whitecaps. The sky is filled with smoke and fire, with some streaks of light. The overall mood is one of intense action and destruction.

РАСПЛАТА

Битвы на все времена

Владимир Семенов

Расплата

Издательство "Руда"

1906–1909

УДК 82 + 94
ББК 84(2)-44+63.3(2)521

Семенов В. И.

Расплата / В. И. Семенов — Издательство "Руда", 1906–
1909 — (Битвы на все времена)

ISBN 978-5-6040759-6-8

Чёткие хронологические дневниковые записи, оформленные литературным талантом Владимира Ивановича Семёнова, свидетельствующие о трагических событиях военно-морского флота во время Русско-японской войны, при жизни автора были переведены на девять языков. Но в России снискали порицание и не переиздавались с царских времен, хотя без упоминания автора входили и в научные труды, и в учебные пособия. Только спустя столетие они постепенно возвращаются к читателю. Капитан второго ранга В. И. Семёнов был единственным офицером Российского Императорского флота, которому в годы Русско-японской войны довелось служить и в Первой, и во Второй Тихоокеанских эскадрах и участвовать в обоих главных морских сражениях – в Порт-Артуре и при Цусиме. В последнем бою, находясь на флагмане русской эскадры, Семёнов получил пять ранений и после возвращения из японского плена прожил совсем недолго, но успел дополнить и обработать свои дневники, которые вел во время боевых действий. А также создать иные литературные труды, с которыми заинтересовавшийся читатель сейчас имеет возможность продолжать знакомиться. При всем историческом значении трилогии «Расплата» книга является увлекательным художественным произведением, рекомендуемым для широкого круга читателей.

УДК 82 + 94
ББК 84(2)-44+63.3(2)521

ISBN 978-5-6040759-6-8

© Семенов В. И., 1906–1909

© Издательство "Руда", 1906–1909

Содержание

Предисловие	7
От автора	10
Книга первая	12
Часть первая	12
Глава I	12
Глава II	22
Глава III	33
Глава IV	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Владимир Иванович Семёнов

Расплата

© Заикин А. Ю., иллюстрации, 2018 г.

© ООО Издательство «Руда», 2018 г.

Предисловие

Любая книга не может возникнуть без автора и сюжета. И порой сам сюжет ведёт автора и заставляет его выбирать форму написания. Оттого этой книги повезло! Её написал человек с уникальной судьбой, весьма хорошо разбирающийся в вопросах военно-морской тематики. Более того – лично знакомый с большинством своих персонажей. И эта книга – свидетельство очевидца четырёх основных вех русско-японской войны: обороны Порт-Артура, похода Второй Тихоокеанской эскадры, Цусимского сражения и возвращения на родину.

При жизни Владимира Ивановича Семёнова его произведения о трагичных событиях русско-японской войны, затем вошедшие в трилогию, были переведены на девять языков, их цитировал сам триумфатор Цусимы – адмирал Того. А на родине вызвали громкий скандал.

Причины лишения читателя на долгие годы знакомства с уникальным произведением укоренились как по воле Её Величества Истории, так и по причине корыстных интересов отдельных лиц, очень повредивших репутации автора. Дело в том, что русско-японская война практически не была разобрана царскими историками, поскольку у них банально не хватило времени. После её окончания Российская Империя просуществовала без малого 12 лет, которые вместили в себя революцию, экономические проблемы и мировую войну. Поэтому основное изучение происходило уже в советское время. Но важно понимать, что для советских историков это была война на фоне революции. То есть «царский режим стремился к агрессии, а народ всеми силами этому препятствовал».

Перипетии той войны не прошли даром и для автора, получившего пять ранений. А после смерти В. И. Семёнова его книги были как бы забыты, попав в распоряжение специалистов-историков, и не переиздавались едва ли не с царских времён. Однако фениксом возродились столетие спустя, вновь вызвав к себе интерес. Известная истина «только тот народ может с оптимизмом смотреть в своё будущее, который с почтением взирает на собственное прошлое» помогла по-новому взглянуть и оценить метафизическую тонкость сочетания судьбы автора, трагических событий и совершённый литературный подвиг – перевести отрывистые записки в связный и изящно выстроенный литературный текст. Это несомненно обусловлено тем, что Владимир Иванович успел получить известность как литератор еще до русско-японской войны. Искренность переживаний вкупе с впечатлениями очевидца масштабных катастроф проросли через время, вновь подарив нам возможность сопереживать русскому офицерству, восхищаться мужеством русских моряков.

Позже, фактически в наше время, когда его текст извлекли на свет божий и выставили на всеобщее обозрение, на Семёнова посыпался град обвинений и критики. Дескать, неправильно судил автор, делал несостоятельные утверждения. Только вот такая ситуация – не делал сам Семёнов никаких утверждений. Вина лежит на недобросовестных плагиаторах, возведших личное мнение, сиюминутные впечатления боевого офицера в ранг научной истины. В конце концов, Семёнов не виноват, что многие историки предпочитали изучать историю по его книге, а не по документам. Сам же Владимир Иванович не раз и не два подчеркивал, что излагает только свои личные впечатления и просто точно передаёт то, что видел.

Оправдывает Владимира Ивановича то, что он был патриотом в хорошем смысле этого слова и тяжело переживал военные неудачи России. Подобно большинству флотских офицеров, жил на жалованье и, как и многие моряки, не успел создать своей семьи, оставаясь холостяком. Длительная служба с разными начальниками, зачастую незаурядными личностями, общение с десятками офицеров оказали большое влияние на него, не лишённого критического отношения к действительности и собственного взгляда на морскую службу. Всё это чувствуется в воспоминаниях и составляет главное достоинство его литературных трудов, остающихся одним из примечательных документов своего времени. Подобно всем воспоминаниям, трило-

гия В. И. Семёнова «Расплата», разумеется, не лишена субъективных оценок. Однако в данном случае субъективизм автора носит совершенно особый характер: российская национальная трагедия – Цусимская катастрофа – обернулась для Владимира Ивановича личной трагедией, которая преждевременно свела его в могилу.

Несмотря на оправдание в суде, личная трагедия, пережитая В. И. Семёновым, наложила печать на его воспоминания: во многих местах он старается оправдаться сам и оправдать своего начальника и товарища по несчастью – вице-адмирала З. П. Рожественского. Кроме того, и В. И. Семёнов и сам З. П. Рожественский только в японском плену поняли, насколько их деятельность не соответствовала реальным задачам тяжёлой борьбы на море. Проще говоря, Владимир Иванович, как и его последний начальник и большинство офицеров Российского флота начала XX века, оказался храбрым моряком, но посредственным военным, отчасти прозревшим после Цусимской катастрофы.

Было бы совершенной нелепостью возлагать всю вину за гибель флота в Цусимском сражении исключительно на З. П. Рожественского, тем более на В. И. Семёнова и других лиц, более или менее причастных к руководству Второй Тихоокеанской эскадрой. Судьбу эскадры предопределило многолетнее развитие различных факторов, которые требовали особого исследования. Но уже в августе 1905 года отставной морской офицер Р. Г. Конкевич в газете «Слово» писал: «В Цусимской катастрофе виноват не Рожественский..., а та система, которая сделала из флота игрушку, из кораблей меблированные комнаты...»¹. Тем не менее проливший кровь за Отечество, капитан II-го ранга Семёнов по-человечески глубоко переживал любые обвинения: и в суде, и общественную критику. Разочарованный в дальнейшей службе, в 1907 году он подал прошение об отставке «вследствие расстройства здоровья, явившегося следствием полученных в бою ран и контузий» и целиком посветил себя литературной работе.

Он подготовил к изданию и переизданиям «Расплату», написал целый ряд отдельных рассказов из морской жизни, а также более значительные произведения. Среди последних – критический труд «Флот и Морское ведомство до Цусимы и после» и воспоминания «Цена крови», вошедшие третьей книгой в трилогию «Расплата». Эти два произведения были закончены в 1909 г. В работе «Флот и Морское ведомство до Цусимы и после» автор разоблачал окопавшихся на берегу бюрократов, пренебрегавших боеготовностью и интересами плавающего флота.

«Цену крови» же можно считать своеобразным «криком души» автора, попыткой его самооправдания. Эта книга служит прекрасным материалом для психологической характеристики Владимира Ивановича. Из его рассказов многие отмечены высоким полётом фантазии и несомненным литературным талантом. В том и притягательность произведений Владимира Ивановича, что ни под каким предлогом он не уходит от той истины, которую знает либо в которую верит. Секрет писателя в неотделимости его основной работы – трилогии «Расплата» – от нестигаемого характера самого автора, выросшего и воспитанного в полном соответствии с понятиями офицерской чести и служебного долга. Именно этим поражает и удивительная беспристрастность к описываемым событиям, хотя большинство их участников самому автору были близки и дороги, либо крайне неприятны.

В конце 1909 г. Владимир Иванович тяжело заболел и в ночь на 20 апреля 1910 г. скончался. Похороны его в Александро-Невской лавре были отмечены присутствием многочисленных представителей прессы, российских и иностранных моряков, родственников адмирала С. О. Макарова и З. П. Рожественского. Скончался В. И. Семёнов всего 42 лет от роду – обидно рано, не совершив и десятой части того, что он мог и должен был совершить.

¹ Цит. по: *Летопись Русско-японской войны. – 1905. – № 73. – С. 1439.*

*Михаил Стрельцов,
член Союза российских писателей
и русского ПЕН-центра*

От автора

«Расплата», еще в то время как она печаталась в виде ряда фельетонов в газете «Русь» (в настоящей своей редакции она значительно мною пополнена против первоначальной), вызвала в печати несколько статей и заметок, авторы которых обыкновенно называли ее «воспоминаниями».

Не могу воздержаться, чтобы не протестовать против такой характеристики моего труда. «Расплата» не есть «воспоминания», а переданный в литературной обработке «дневник» очевидца, и в этом вся ее ценность как исторического материала. Я вел этот дневник с 17 января 1904 г. до 6 декабря 1906 г. (и даже дальше) изо дня в день, а в дни особо знаменательные – из часа в час. Все, о чем я рассказываю, основано на записях, сделанных тогда же: часы и минуты записаны в самый момент совершавшегося события; настроение, господствовавшее в данный момент, непосредственно вслед за тем и отмечено; даже разговоры, отдельные замечания – и те заносились в дневник под свежим впечатлением (конечно, в сжатой, отрывистой форме).

Мне приходится особенно настаивать на том, что в «Расплате» нет ничего, рассказанного «на память» (конечно, есть примечания, есть пояснения, но всегда с оговоркой, что те или иные сведения получены позже), особенно настаивать на ее характере «дневника» потому, что из личного опыта я мог убедиться (и неоднократно), как обманчивы «воспоминания». В бою – тем более. Не раз, перечитывая свои собственные заметки, я, если можно так выразиться, сам себя уличал, обнаруживал, что совершенно определенное представление о подробностях того или иного момента, очевидно создававшееся под влиянием (под внушением) рассказов, слышанных впоследствии, оказывалось в противоречии с записью, сделанной *en flagrant delit*², но стоило лишь прочесть эту короткую, в несколько слов, заметку, чтобы в памяти вновь ярко восстала действительная картина происшедшего.

Позволю себе привести здесь пример того, как основательно можно забыть подробность, не только не оставленную в свое время без внимания, но даже отмеченную тогда же и собственноручно в записной книжке.

Японцы в официальном описании боя при Цусиме (14 мая 1905 года) упоминают, что в 4 ч 40 мин пополудни (по нашим часам 4 ч 20 мин, так как они считали время по меридиану Киото, а на эскадре – по меридиану полуденного места перед боем) отряд их дестройеров³ под командой капитана 2 ранга Судзуки атаковал вышедший из строя, объятый пожаром «Суворов», причем одна из выпущенных мин попала в кормовую часть броненосца с левой стороны, и он накренился градусов на 10. Никто из лиц, снятых с «Суворова» на «Буйный», не помнил о таком взрыве и прямо отрицал самую возможность его, утверждая, что подобный факт не мог пройти незамеченным ими, несмотря даже на тот адский расстрел, которому в то время подвергнулся «Суворов». Вместе с тем многочисленными свидетельскими показаниями офицеров и команды «Буйного» было установлено, что когда миноносец подходил к «Суворову», то последний «имел крен на левую, приблизительно градусов 10, если не больше». Снятые с «Суворова» офицеры, нижние чины подтверждали эти показания, так как все хорошо помнили, что бесчувственного адмирала удалось сбросить на миноносец по спинам людей, цеплявшихся за обухи и кронштейны, расположенные по ватерлинии правого борта, которая в то время была высоко над водой. Когда же появился этот крен? Правы ли японцы, приписывая его происхождение взрыву мины, возможность которого отрицают люди, бывшие на самом броненосце, или он явился следствием течи по стыкам броневых плит и по швам обшивки левого борта, подставленного под град японских фугасных снарядов? Никто из очевидцев не мог

² На месте преступления (фр.). – Примеч. ред.

³ Эскадренных миноносцев. – Примеч. ред.

«вспомнить», установить, хотя бы приблизительно, момент появления крена. Следует заметить, что нас опрашивали через несколько месяцев после боя. Я сам долго думал, пытался восстановить последовательность событий в своей памяти... и чистосердечно ответил: «Не помню», а вернувшись к себе и пересматривая листки своих лаконичных записей во время самого боя, прочел: «3 ч 25 мин пополудни. Сильный крен на левую; в верхней батарее большой пожар». Сразу же все вспомнилось. Не будь этой записи, удостоверявшей, что крен был уже в 3 ч 25 мин, т. е. за час до минной атаки, удаче которой японцы приписывают его появление, я, может быть, присоединился к мнению тех, которые полагали, будто в горячке боя можно не заметить минного взрыва.

Не буду хвастать своей памятью (хотя многие находят, что Бог не обидел меня этим свойством), но и для любого человека казалось бы странным так основательно забыть факт, не только им замеченный, но и записанный тогда же.

Вот почему я подчеркиваю то обстоятельство, что «Расплата» не воспоминания, а дневник.

Не скрою: не раз, под впечатлением сведений, полученных позже, у меня являлось искушение выпустить то или иное место, не приводить оценки того или иного события, которую давали ему мы, там и тогда, но я воздержался. Я говорил себе: «Это было». Мы так думали, так понимали. Пусть заблуждались, но это заблуждение ложилось в основу настроения масс и, несомненно, сказывалось в дальнейшем развитии их деятельности. Разве я взялся писать историю войны? – Нет. Цель моего труда – дать читателям правдивое описание того, что пережил один из ее участников, заботливо, тогда же, на месте, заносивший в свой дневник все доступное его наблюдению.

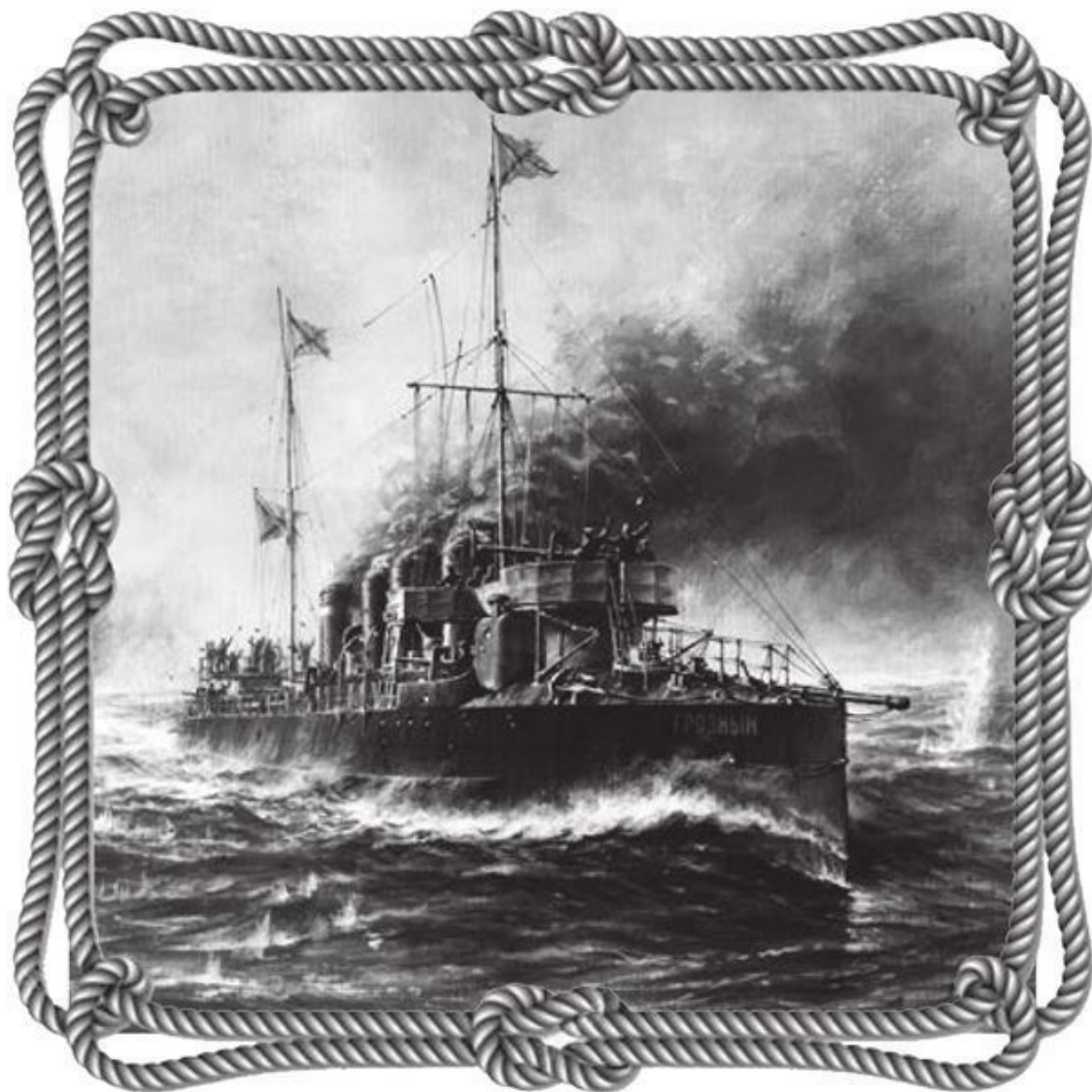
До сих пор ни один из соплавателей, ни один из боевых товарищей не обратился ко мне с пожеланием внести какие-либо поправки в мое изложение. Были возражения, но они исходили от лиц, пишущих историю по поручению начальства, и на основании официальных реляций в тиши своих кабинетов⁴. С ними я спорить не буду.

Вл. Семенов

⁴ В. И. Семенов имеет в виду Н. Л. Кладо и офицеров следственных комиссий «по выяснению обстоятельств» сражений в Желтом море и Цусимского. Работы Н. Л. Кладо и этих комиссий вскрыли военную несостоятельность многих флагманов, защитить которых пытается автор воспоминаний.

Книга первая

Оборона Порт-Артура и поход второй эскадры

Часть первая

Порт-Артур

Глава I

Отъезд из Петербурга. В сибирском экспрессе. Первые вести о войне. Прибытие в Порт-Артур

«Ну, вот. Добились своего, теперь уж нечего разговаривать. Дай Бог, в добрый час!» – говорил адмирал, прощаясь со мною, и уже в дверях скороговоркой добавил: «Послушайте совета: не суйтесь зря. Судьба везде найдет. Если само начальство вызывает охотников, значит, надо, а без этого – свое дело хорошенько делайте, и довольно. Выскакивать нечего. Погибнуть не трудно и не страшно, но по погибнуть зря – глупо!».

Проведя почти всю службу (за исключением двух лет в академии) в плаваниях на Дальнем Востоке, я, осенью 1901 г., получил предложение занять место адъютанта штаба Кронштадтского порта, соединенное с должностью адъютанта главного командира по его званию военного губернатора. Несмотря на нелюбовь к береговым штабам и канцеляриям, нелюбовь, взращенную долгой службой исключительно в строю, т. е. на воде, я согласился, и даже охотно, так как в то время главным командиром в Кронштадте был вице-адмирал С. О. Макаров.

Не берусь давать здесь характеристику покойного адмирала, так трагически погибшего в тот момент, когда наконец, после долгих лет борьбы с людьми, упорно тормозившими все его начинания, злорадно «совавшими палки в колеса», он получил возможность без помехи, неся ответственность только перед Государем Императором, отдать в пользу Родины свои способности, ум и неутомимую энергию. Его дела – достояние истории.

Я лично не обманулся в своих ожиданиях. Служить с адмиралом было нелегко; приходилось частенько недоедать и недосыпать, но в общем жилось хорошо. Отличительной чертой его характера (которой я восхищался) являлась вражда ко всякой рутине и положительно ненависть к излюбленному канцелярскому приему «гнать зайца дальше», т. е. во избежание ответственности за решение вопроса сделать на бумаге (хотя бы наисрочной) соответствующую надпись и послать куда-нибудь в другое место «на заключение» или «для справки».

Единственные случаи, когда на глазах адмирал терял самообладание и лично или по телефону отдавал портовым чинам приказания в резкой форме, делал выговоры, грозил ответственностью за бездействие и проч., это бывало именно тогда, когда обнаруживалось с чьей-нибудь стороны стремление «гнать зайца дальше» или утопить какое-нибудь требование в массе справок.

Нечего и говорить, что я как «прирожденный строевой» глубоко сочувствовал такому настроению моего начальства и готов был служить ему по мере сил. Словом, как я уже говорил, жилось хорошо.

Но вот, осенью 1903 года, в воздухе запахло войной, и, несмотря на весь интерес тогдашней моей службы, я заволновался и стал проситься туда, где родная мне эскадра готовилась к бою.

Адмирал с первого раза принял меня «в штыки», но я тоже ошетинился и настаивал на своем. Адмирал пробовал убеждать, говорил, что если война разразится, то это будет упорная и тяжелая война, и за все ее время «все мы там будем», а поэтому торопиться нечего: здесь дела будут по горло, и в такой момент адъютант уходить не имеет права. Я не сдавался и возражал, что если во время войны окажусь на береговом месте, то любой офицер с успехом меня заменит, так как я вместо дела буду только метаться по начальству и проситься на эскадру.

За такими спорами раза два-три чуть не дошло до серьезной размолвки. Наконец адмирал сдался, и 1 января 1904 г. последовал приказ о моем назначении старшим офицером на крейсер «Боярин». Еще две недели ушло на окончание срочных дел, сдачу должности, и прощание, с которого я начал эту главу, происходило уже 14 января.

В Петербурге, являясь перед отъездом по начальству, я был, конечно, у адмирала Р.⁵ и после обмена официальными фразами не удержался спросить: что он думает, будет ли война?

– Не всегда военные действия начинаются с пушечных выстрелов! – резко ответил адмирал, глядя куда-то в сторону. – По-моему, война уже началась. Только слепые этого не видят!..

Я не считал возможным спрашивать объяснения этой фразы: меня поразил сумрачный, чтобы не сказать сердитый, вид адмирала, когда он ее выговорил. Видимо, мой вопрос затро-

⁵ «Адмирал Р.» – контр-адмирал Зиновий Петрович Рожественский (1848–1909), в 1903–1904 гг. – исполняющий должность начальника Главного морского штаба (ГМШ). Действия ГМШ накануне войны не соответствовали военно-стратегической обстановке и привели к тяжелым последствиям.

нул больное место, и в раздражении он сказал больше, чем хотел или чем считал себя вправе сказать...

– Ну, а все-таки, к первым выстрелам поспею?

Но адмирал уже овладел собой и, не отвечая на вопрос, дружески желал счастливого пути. Пришлось откланяться.

На тот же вопрос добрые знакомые из Министерства иностранных дел отвечали: «Не беспокойтесь – поспеете: до апреля затянем»...

Я выехал из Петербурга курьерским поездом вечером 16 января.

Кое-кто собрался проводить. Желали счастливого плавания. Слово «война» никем не произносилось, но оно чувствовалось в общем тоне последних приветствий, создавало какое-то особенное приподнятое настроение... Какие это были веселые, бодрые проводы, и как не похоже на них было мое возвращение...

Но не будем забегать вперед.

До Урала, и даже дальше, экспресс был битком набит пассажирами и общее настроение держалось самое заурядное; вернее – никакого особенного настроения в публике не обнаруживалось; но по мере движения на восток, по мере того как местные обыватели, занятые исключительно своими делами, высаживались в промежуточных городах, определялась понемногу кучка людей, ехавших «туда». Их можно было подразделить на две категории: офицеры и вообще служащие самых разных чинов, родов оружия и специальностей и (как говорят матросы) «вольные люди», самых неопределенных специальностей и народностей. Эти последние являлись наиболее характерными вестниками войны, как вороны, следующие за экспедиционным отрядом, как акулы, сопровождающие корабль, на котором скоро будет покойник.

И та и другая категории вскоре же сплотились, и между лицами, их составляющими, завязались знакомства. К сожалению, «наших» было немного, так как большая часть из них ехала в Западную Сибирь. Последними нас покинули в Иркутске генерал и капитан Генерального штаба, отправляющиеся куда-то на монгольскую границу, а после Иркутска единственным моим компаньоном оказался полковник Л., ехавший в Порт-Артур командовать вновь формируемым стрелковым полком.

Отчетливо, как сейчас, помню переезд через Байкал по льду. Не воспользовавшись правом пассажира экспресса занять место в неуклюжих железнодорожных пошевнях, взяв лихую тройку (идя на войну, чего же считать деньги!), я, около полудня, отвалил со станции Байкал на станцию Танхой – 43 версты по льду озера-моря. Был чудный солнечный день с морозом 10–12 °R, при полном штиле. Тройка с места взяла марш-маршем и только верст через 5–6 перешла на крупную рысь. Ямщик обернулся ко мне:

– Слышь, барин! В полпути – постоялый. Поднесешь стаканчик – уважу!

– Будь благонадежен – не обижу!

Ямщик слегка привстал, свистнул, и коренник зарубил такую дробь, пристяжные свились в такие кольца, что только морозная пыль клубом встала за нами!.. Вот где, на Байкале, еще сохранилась русская тройка, воспетая Гоголем!..

В чистом морозном воздухе горы противоположного берега выступали так отчетливо, что привычный «морской глаз» совершенно терял свою долгой практикой приобретенную способность оценивать расстояния. Казалось, они совсем близко; казалось, видишь самые мелкие складки гребня и в них налеты снега, а на деле это были глубокие ущелья, под снегами которых можно было бы похоронить целые города...

Со станции Байкал, несколько раньше меня, на такой же «вольной» тройке отвалил не скажу молодой, но моложавый генерал. Должно быть, у него не было особого уговора с ямщиком, потому что версте на 15-й мы его обогнали, как раз в то время, когда он, забрав по целому снегу, объезжал какую-то воинскую команду, переходившую Байкал пешком. В наушниках, с ружьями, у кого на правое, у кого на левое плечо, солдаты, а с ними и офицеры, шагали

по плотному, подмерзшему насту так бодро, так весело... Мне вдруг вспомнилось тургеневское «Довольно», – журавли, летящие в небе и ведущие гордую перекличку со своим вожаком: «Долетим? – Мы – долетим»!

И в этой, казалось бы, нестройной толпе, не соблюдавшей равнения ни «в рядах», ни «в затылок», в их широком свободном шаге, в окриках и взрывах смеха, внезапно вспыхивавших и прокатывавшихся по колонне, мне почуялась та же гордая сила, та же уверенность в себе, что и в тургеневских журавлях.

– Долетим? – Мы – долетим!..

Не один я чувствовал. Генерал, ехавший впереди, вдруг скинул шубу, в которую был закутан, распахнул свое пальто на красной подкладке и, став в санях, как-то особенно задорно и радостно крикнул: «Здорово, молодцы! Бог в помощь!».

– Рады стараться! Здравия желаем! Покорнейше благодарим! – загудело по колонне.

Генерал махал фуражкой, кричал еще что-то, чего нельзя было разобрать, и мимо нас мелькали молодые, разгумившиеся на морозе, радостные улыбающиеся лица. Солдаты и офицеры тоже что-то кричали, махали фуражками, поднимали кверху ружья...

– Долетим? – Мы – долетим!..

С какой силой, полное надежды и веры в будущее, билось сердце! Как бодро, как весело было на душе!..

Да, прав был адмирал Р., – думалось мне, – это уже война!

На той стороне Байкала, в Танхое, нас ожидал экспресс Восточно-Китайской дороги.

В вагоне первого класса оказалось только два-три инженера, ехавших по линии, полковник Л. и я. Завязалось знакомство. Говорили, разумеется, исключительно о положении дел в Манчжурии и Корее. Мнения резко разделились. Одни утверждали, что война неизбежна, что «не зря же японцы 10 лет создавали свою военную силу», выворачивая карманы населения, должны же они воспользоваться благоприятным моментом! Другие возражали, что «не зря же японцы 10 лет создавали свою военную силу», не для того же чтобы все сразу поставить на карту и, в случае неудачи, снова навсегда заглухнуть! Словом – из общего признания одного и того же факта выводы получались диаметрально противоположные.

Особенно горячий спор завязался у меня с полковником за обедом 27 января.

– Не посмеют! Понимаете – никогда не посмеют! Ведь это – ва-банк! Хуже! Верный проигрыш! – горячился он. – Допустим, вначале успех... Но дальше? Ведь не сдадим же мы от первого щелчка? Я даже хотел бы их первой удачей! Право! Подумайте только о впечатлении этой их удачей! Право! Вся Россия встанет, как один человек, и не положим оружия, доколе... Ну, как это там говорится высоким стилем?

– Дай Бог, кабы щелчок, а не разгром...

– Даже и разгром! Но ведь временный! А там мы соберемся с силами и сбросим их в море. Вы только, с вашим флотом, не позволяйте им домой уехать!.. Да, что! Никогда этого не случится, никогда они не решатся, и никакой войны не будет!..

– А я говорю: они 10 лет готовились к войне; они готовы, а мы – нет; война начнется не сегодня завтра. Вы говорите: ва-банк? Согласен. Отчего и не поставить, если есть шансы на выигрыш?

– Конечно шанса нет! Не пойдут!

– Вот увидите!

– Хотите пари? Войны не будет! Ставлю дюжину Мумм...

– Это был бы грабеж. Скажем так: вы выиграли, если войны не будет до половины апреля.

– Зачем же? Я говорю: ее не будет вовсе!

– Тем легче согласиться на мое предложение. К тому же вы вина почти не пьете, и я всегда буду в выигрыше.

Посмеялись и ударили по рукам. Разнимал путеец, тоже ехавший в Порт-Артур и просивший не забыть его приглашением на розыгрыш.

Мой случайный спутник, полковник Л., был преинтересный тип. Казалось, все его существо держится нервами. Высокий, ширококостный, донельзя худощавый, с болезненным цветом лица он в отношении физической выносливости всецело зависел от настроения: то беспечно разгуливал на 10-градусном морозе в одной тужурке, то вдруг уверял, что ему надудло от окна, несмотря на двойные рамы с резиновой прокладкой, требовал от поездной аптеки фенацетину и поглощал его в неимоверном количестве, то жевал «из любопытства» ужасающие (совершенно несъедобные) бурятские лепешки, то уверял, что кухня экспресса тяжела для его слабого желудка.

В этот вечер он, кажется, решил покорить меня во что бы то ни стало и продолжал свои атаки до тех пор, пока я не начал в его присутствии раздеваться и укладываться спать.

– Все военные агенты европейских держав единогласно доносят, что Япония может выставить в поле не свыше 325 тысяч! – повторял он, словно читая лекцию. – Но ведь и дома надо что-нибудь оставить?

– Да как Вы верите таким цифрам? Ведь в Японии народу больше, чем во Франции! Отчего же такая разница в численном составе армии!

– Не та организация! Нет подготовленного контингента!..

– Десять лет готовят! Мальчишек в школах учат военному делу! Любой школьник знает больше, чем наш солдат по второму году службы!

– Вооружение, амуниция – все рассчитано на 325 тысяч.

– Привезут! Купят!

– Вздор!..

Я потушил электричество и завернулся в одеяло.

– Это не доказательство... – ворчал полковник, тоже уходя к себе⁶.

Около полуночи мы пришли на станцию Манчжурия. Я крепко спал, когда Л. ворвался в мое купе и крикнул:

– Вы выиграли!

Сначала я не понял.

– Что? Что такое?

– Мобилизация всего наместничества и Забайкальского округа!..

– Мобилизация – еще не война!

Полковник только свистнул.

– Уж это – «ах, оставьте!» – у нас приказа о мобилизации боялись... вот как купчихи Островского бояться «жупела» и «металла». Боялись, чтобы этим словом не вызвать войны! Если объявлена мобилизация – значит война началась! Значит – «они» открыли военные действия!..

– Дай Бог, в добрый час! – перекрестился я.

– То-то... дал бы Бог!.. – мрачно ответил он. – Ведь я-то знаю: на бумаге и то во всем крае 90 тысяч войска, а на деле – хорошо, коли наберется тысяч 50 штыков и сабель...

Сна как не бывало. Весь поезд поднялся на ноги. Все собрались в вагоне-столовой. По правилам столовая закрывается в 11 часов вечера, но тут она была освещена; поездная при-

⁶ Согласно санитарному отчету о японской армии, в котором число больных, раненых, убитых и умерших приведено не только в абсолютных цифрах, но и в процентах, – видно, что японская армия достигла полутора миллионов. – Примеч. авт. Фактическая численность боеспособных полевых войск японской армии, действовавших в Маньчжурии спустя год после начала войны, не превышала 270 тыс. человек (Мукденская операция 1905 г.). Правда, к этому времени японская армия потеряла не менее 50 тыс. человек убитыми, большая часть которых погибла под Порт-Артуром. Преувеличение численности противника в 1904–1905 гг. было характерным для высшего командования российской армии.

слуга толпилась в дверях; чай подавался без отказа; все ждали следующей станции, ждали, что из пассажиров (военных или путейцев) кто-нибудь узнает что-нибудь определенное.

В томительном ожидании миновали два полустака. Станция. Говорят: была внезапная атака на Порт-Артур, но ничего положительного... В 4-м часу утра на какой-то станции села дама, жена служащего на дороге. Сообщила, что Артур едва ли не взят уже, что она едет в Харбин вынуть вклад из банка, забрать что можно ценное из харбинской квартиры и спастись в Россию. По ее словам, японцы несколько дней тому назад начали выезжать из городов Манчжурии, но ничего не продавали и почти не ликвидировали дел, а поручали имущество надзору соседей и говорили: «Через неделю, в крайности дней через десять, опять будем здесь с нашими войсками».

Заявления дамы вызвали протесты, недовольство. Публика не желала верить ее мрачным предсказаниям и начала расходиться.

– Проклятая ворона... – ворчал полковник, – стоит ее слушать! Пойдем спать... Впрочем, погодите, я брому спрошу в аптеке...

Следующий день принес мало нового. Однако из сбивчивых слухов и сведений выяснилось мало-помалу, что японцы первыми открыли военные действия против Порт-Артура. На чьей стороне успех – разобрать было невозможно.

Выскочив на платформу в Харбине (большая остановка, помнится, около получаса), я неожиданно столкнулся со старым знакомым по Дальнему Востоку, нашим (эскадренным) поставщиком М. А. Г.⁷

– Откуда и куда?

– Из Артура, а куда – не знаю! Помогаю, как могу, провожаю жен, детей... Все бросили, бегут... совсем сумасшедшие...

Действительно, на путях станции стояли два огромных, видимо наспех составленных поезда из вагонов всех трех классов и даже четвертого (для китайцев-чернорабочих), едущих на север. Они были битком набиты: сидели, лежали не только на диванах, на скамейках, но и между ними, даже в проходах... Преобладали женщины и дети. Тут же были нагромождены какие-то узлы и просто кучи вещей, в которых перепутывались и предметы роскоши, и предметы самой грубой, насущной необходимости... Видимо, хватали, что попало под руку... У многих не было ничего теплого... Толпа китайцев вела у вагонов бойкий торг меховыми (часто подержанными) куртками, грошовыми чайниками, какими-то подозрительными съестными припасами. Платили деньгами, кольцами, браслетами, брошками... Какая-то вакханалия грабежа, умело пользующегося еще не остывшей паникой. Местное начальство, само захваченное врасплох, было по горло завалено своим делом. Водворять порядок пытались какие-то добровольцы – офицеры и чиновники, да те пассажиры и пассажирки, которые не совсем еще потеряли головы или уже опомнились... То тут, то там раздавались истеричные рыдания, отчаянный призыв врача к больному ребенку, мольба о помощи...

– Знакомое дело! Как при боксерах! – заявил вдруг один из наших спутников, рослый путеец, обращаясь к нам, пассажирам экспресса. – Ну, господа, выворачивайте чемоданы!

*A la guerre, comme a la guerre!*⁸ Придет нужда – сами возьмем, не спрашивая, где придется!

И, право, странно, какую силу убеждения имеет вовремя брошенное слово: чемоданы были действительно вывернуты. Башлыки, фуфайки, меховые шапки, валенки, даже белье – все в несколько минут перешло из экспресса в поезда беглецов... И как неловко и даже жутко,

⁷ «М.А.Г.» – М. А. Гинсбург – купец 1-й гильдии, в конце XIX – начале XX вв. поставлял уголь и продовольствие эскадре Тихого океана, не забывая о личной выгоде, М. А. Гинсбург сыграл важную роль в обеспечении боеготовности российского флота на Дальнем Востоке и нередко проявлял в его снабжении гораздо больше оперативности, чем руководство Морского ведомства.

⁸ *На войне как на войне!* (фр.) – Примеч. ред.

а вместе с тем хорошо и тепло было на сердце, слушая эти отрывочные, полные смущения, но зато глубокого чувства слова благодарности.

Г. не выворачивал чемоданов (у него у самого их не было), но зато выворачивал карманы, а когда содержимое их иссякло, принялся писать чеки, которые ходили в Манчжурии не хуже золота...

Перед отходом экспресса я обратился к нему с вопросом:

– Куда Вы теперь?

– С ними же, дальше...

Но тут мы на него напали и стали доказывать, что ехать на север ему нет расчета, но теперь-то и настало время, когда в Порт-Артуре дела делать, когда его присутствие там необходимо. Особенно настаивал полковник Л. Думаю, однако, все мы несколько лукавили, не столько заботились о выгодах Г., сколько хотели сохранить для себя очевидца событий, о которых, в пылу благотворительной горячки, не успели расспросить его толком.

Однако же Г. поначалу был неумолим.

– Нет, господа, война – ваше дело, а я штатский и смирный человек и совсем не хочу, чтобы меня зря убили. Поезжайте себе воевать, а я поеду туда, где безопаснее... Довод был убедительный, но его разбил начальник поезда (прапорщик запаса артиллерии).

– Поверьте, уважаемый М. А., – заявил он, – что пока наместник в Порт-Артуре, – это место самое благонадежное. Если только запахнет жареным, он там не останется, тогда и Вы с ним уезжайте, а бросать свое дело, да еще в такое время – прямой убыток!

Это рассуждение покорило Г., который и без того уже в нашем обществе несколько отошел от того состояния паники, в котором поддерживало его пребывание в поездах беглецов.

Экспресс покатил на юг, а мы сидели с ним за чаем в вагоне-столовой и жадно слушали новости. Узнать пришлось не Бог весть как много. Без объявления войны японские миноносцы вечером 26 января атаковали нашу эскадру, стоявшую на внешнем рейде без сетей и со всеми огнями. Вышло так, что сравнительно дешево отделались. Могло быть много хуже.

– Но, понимаете, когда я утром увидел под маяком на мели – «Ретвизан», «Цесаревич», «Паллада»... Русская эскадра! Наша эскадра! Господи!..

Он схватился за голову... И, слушая его, глядя ему в глаза, я верил его ужасу, его горю... Он был по природе чужой, но он так сжился с ней, с этой эскадрой, что тут не было места коммерческому расчету... и полушуточное название «старого приятеля» невольно сменилось в душе другим – «старый друг»...

– Но каковы повреждения?

– Не знаю точно... «Ретвизан» – в носовой части, «Цесаревич» – корма, чуть ли не винты... И для них дока нет! Понимаете: дока нет!.. «Паллада» – пустяки: дыра большая, но в доке починят. – Ай-ай-ай! Как можно? Как можно? Говорят: приказано – экономия... Ну, пусть экономия, но зачем отвечать – «так точно, все обстоит благополучно»... Теперь, наверно, будут строить! И денег не пожалеют!.. Поздно!.. Ах!.. Наша эскадра!..

– Снявши голову по волосам не плачут. Нечего горевать задним числом, – угрюмо проговорил старый путеец. – Как-нибудь надо выкручиваться. Что-нибудь делать будем...

– Умирать будем! – звенящим нервным голосом крикнул с соседнего стола молодой артиллерийский подпоручик.

– Это наша специальность... Жаль только, если без пользы... – мрачно отозвался тут же сидевший пожилой капитан...

– Но дальше, дальше?

– Что же дальше? – 27-го пришли, постреляли 40 минут и ушли. Как было дело, право, не знаю. Нарочно стреляли по городу или перелеты – не спрашивал... Просто – бежали все, кто мог... Говорили, если бы крепость была готова к бою, им бы здорово попало, но только у нас...

Рассказчик вдруг замолчал, боязливо оглянувшись, и ни за что не хотел доканчивать начатой фразы.

– Приедете в Артур – сами узнаете. У Вас ведь там знакомые... – скороговоркой шепнул он мне на ухо.

Гнетущее впечатление общей паники, по своей внезапности ошеломившее нас в Харбине, постепенно проходило по мере движения экспресса на юг. На станциях наблюдалось необычное оживление, скажу даже, суета, но суета деловая, без признаков растерянности.

Настроение, господствовавшее на линии, какими-то неуловимыми путями сообщалось и населению поезда. Полковник словно помолодел на 20 лет, забыл про свои недуги и явно пренебрегал не только погодой, но даже и фенацетином. Начальник поезда яростно доказывал всем и каждому (хотя никто с ним не спорил), что никакое начальство не имеет права не пустить его в строй, в одной из батарей отдельного восточно-сибирского дивизиона, где он был вольноопределяющимся, что для комендантства над воинскими поездами найдется довольно народу, но он, прапорщик запаса, должен быть на своем месте...

– Наши, наверно, пойдут в первую голову! – восклицал он. – Наши не выдадут! – и он, видимо, даже жалел нас, незнакомых с «его» батареей.

– Первый блин комом – велика важность! – басил путеец. – Скажем так: насыпали! А дальше? Ведь за нами – Россия! – и, пародируя манифест отечественной войны, он возглашал: «Отступим за Байкал! Оденемся в звериные шкуры! Будем питаться монгольскими лепешками, но не положим оружия, доколе ни одного вооруженного неприятеля не останется не только в пределах нашей территории, но даже и на материке Азии!».

30 января, после полудня, миновали Дашичао. Короткая остановка. Суматоха на станции. Какие-то артиллеристы забегают в вагон-столовую, наскоро глотают что попало под руку и с полным ртом бросают отрывочные фразы:

– Везли на Ляоян, оттуда – к Ялу. Известие – появились у Инкоу. Высадка. Повернули на ветку. Охранники не стали ждать поезда. Ушли грунтовой – у них конная батарея. Две сотни – тоже. С нами – рота стрелков.

И никто не спрашивал, что в силах сделать эти две батареи, две сотни и одна рота, если японцы действительно высаживаются в Инкоу... Ясно было, что сделают все, что могут. И этого было довольно...

Ночь. Гай-Чжоу. Тревога. Здесь железнодорожный путь проходит от берега моря всего в пяти милях. С берега сообщают, что в море видно много огней. С одного из ближних постов донесли о появлении каких-то банд. Туда выступила полусотня – охрана станции. Слышали перестрелку. Хунхузы или японцы? Удобное место испортить путь. Телеграфировали по линии. С часу на час ждут прибытия девятого полка...

– Нас все-таки больше 20 человек, и все вооруженные – вмешивался в разговор сын начальника станции, юноша лет четырнадцати, с винчестером в руках. – В блокаuze отси-димся, выдержим час-другой, а там – подойдут стрелки!..

Какой задор! Какая уверенность! Какое бодрое, хорошее впечатление оставили в душе эти встречи, все эти мимолетные разговоры...

Наутро Квантун встретил нас жестокой снежной пургой.

На станции Нангалин Г. нас покинул, надеясь каким-нибудь случайным поездом скорее добраться до Порт-Артура, мы же, пассажиры экспресса, связанные багажом, должны были проехать в Дальний и уже оттуда проследовать к месту назначения. Это оказалось не так просто, ввиду внезапно наступившей войны расписание было отменено. Удовлетворялись в первую очередь насущные потребности крепости и гарнизона. В Дальний мы прибыли строго по расписанию, но здесь вместо 15 минут оставались более 4 часов. Извозчиков не было. Жестокая пурга исключала всякую возможность передвигаться пешком, да к тому же с минуты на минуту ждали разрешения идти в Порт-Артур. Наш спутник, рослый и brave путеец, тот-

час по прибытии куда-то исчез – очевидно, к сослуживцам за новостями. Полковник Л. и я сидели в пустом вагоне, обмениваясь отрывочными замечаниями, главной и даже единственной темой которых была досадная задержка.

В белой сетке пурги станция казалась вымершей. Не было и следа того оживления, той бодрой, здоровой суеты, какую мы видели на севере. Лица служащих, пробежавших мимо, выражали только растерянность, озабоченность, даже словно испуг и ожидание близкой катастрофы. Мы пробовали кого-нибудь остановить, расспросить... Они отделялись какими-то неопределенными фразами и бежали дальше.

– Захотят, догадаться – заберут голыми руками... Хоть сейчас... – бросил на ходу какой-то штатский в драгунской фуражке.

Полковник совсем разболелся: ел фенацетин, принимал бром и не только бранился, но даже роптал на Провидение.

К 12 часу дня сквозь плач выюги до нас долетели глухие удары редких пушечных выстрелов.

– Что такое? – поймал я проходившего мимо начальника поезда.

– Вы разве не знаете? – смущенно остановился он. – Хоронят погибших на «Енисее»...

– Ничего не знаем! – заволновались мы оба.

– «Енисей» погиб на минном заграждении, которое сам же ставил... «Боярин» – тоже...

Я так и вскинулся.

– Какой «Боярин»? Что с ним? Я сам еду на «Боярин» старшим офицером! Говорите толком!

– Говорите, черт Вас возьми! – захрипел полковник, – ведь мы тут как в одиночном заключении!

– Господа! Ради Бога! Я не могу, не приказано... – и начальник поезда убежал.

Еще больше часа томительного ожидания... Наконец раздались звонки, свистки, поезд тронулся. Перед самым отходом в вагон вскочил наш спутник-путеец. Злобно швырнув в какое-то купе свою шубу, занесенную снегом, он вошел к нам, запер дверь и тяжело опустился на диван...

– Сдали!..

– Что сдали? Кого сдали?

– Не «что» и не «кого», а сами сдали!.. Понимаете? – Сами сдали! – промолвил он, отчеканивая каждый слог. – Я это помню. Нам в девятисотом тоже приходилось туго. Тоже врасплох. Где не сдавали – выкручивались. Сдали – значит сразу признали себя побежденными... И будут побиты! И поделом! – вдруг выкрикнул он. – Казнись! К расчету стройся! «Цесаревич», «Ретвизан», «Паллада» подбиты минной атакой; «Аскольд», «Новик» – здорово потерпели в артиллерийском бою; «Варяг», «Кореец» – говорят, уничтожены в Чемульпо; транспорты с боевыми припасами захвачены в море; «Енисей», «Боярин» – погибли собственными средствами, а «Громобой», «Россия», «Рюрик», «Богатырь» – во Владивостоке за тысячу миль!.. Крепость готовят к бою после начала войны! 27-го стреляли только три батареи: форты были по-зимнему; гарнизон жил в казармах, в городе; компрессоры орудий Электрического утеса наполняли жидкостью в 10 часов утра, когда разведчики уже сигналили о приближении неприятельской эскадры!.. Не посмеют! – Вот вам!..

Он отрывисто бросал свои недоговоренные фразы, полные желчи, пересыпанные крупной бранью (которую я не привожу здесь). Это был крик бессильного гнева... Мы, случайные представители Генерального штаба и флота, слушали его, жадно ловя каждое слово, не обращая внимания на брань. Мы сознавали, что она посылается куда-то и кому-то через наши головы, и если бы не чувство дисциплины, взращенное долгой службой, мы всей душой присоединились бы к этому протесту сильного, энергичного человека, выкрикивавшего свои обвинения... Но странно: по мере того как со слов нашего собеседника ярче и ярче развертывалась

перед нами картина нашей беспомощности (как оказалось впоследствии, его сведения, хотя и обрывочные, были верными), какое-то удивительное спокойствие сменило мучительную тревогу долгих часов неизвестности и томительного ожидания...

Внешний рейд Порт-Артура до войны

Я взглянул на полковника. Он сидел, весь вытянувшись, откинувшись на спинку дивана, засунув руки в карманы тужурки, и казалось, что если бы кто-нибудь в этот момент предложил ему фенацетина, то это могло бы кончиться очень дурно...

– Измена!.. Я верю, я не смею не верить, что бессознательная, но все же измена... – закончил путеец, тяжело переведя дух...

– Пусть так! Не переделаешь! – воскликнул полковник, – но все это – только начало. За нами Россия! А пока мы – ее авангард, мы – маленькие люди, мы будем делать свое дело!..

И в голосе этого человека, всего час тому назад такого больного и слабого, мне послышалась та же звенящая нота, которой звучал голос молодого подпоручика, на вопрос «что же делать будем?» крикнувшего – «умирать будем!»...

И я снова поверил!..

В Нангалине опять застряли на несколько часов. Вагон-столовую почему-то оставили на Дальнем. Пришлось питаться в станционном буфете. Небольшая комната, носившая громкое название «буфет и зала I и II класса», была битком набита публикой, обитателями Квантуна, стремившимися частью в Артур, частью в глубь Манчжурии. Здесь не слышно было разговоров ни о наших неудачах, ни о шансах на будущее... Глухие удары минных взрывов, обессиливавших флот, печальные звуки орудийного салюта, провожавшие в могилу безвременно и бесполезно погибших борцов, не достигали сюда. Снаружи плакала и злилась выюга, наметывая сугробы над свежими могилами, а здесь, в душной комнате, в облаках пыли и табачного дыма, хлопали пробки, слышались речи о подрядах, поставках, об имуществе, приобретённых «за грош, по нынешним временам», швырялись бумажки и золото, чтобы «мне первому подали».

Мы наскоро съели что-то и поспешили вернуться в поезд.

В Артур прибыли только около 11 часов вечера. Полковника встретил и увез кто-то из офицеров его формирующегося полка; путейца встретили товарищи, а я оказался совсем на мели. Бывшие спутники обещали прислать первого встречного извозчика. На этом пришлось успокоиться.

Неприятные полчаса провел я сидя в углу станционной залы со своими чемоданами. Какая-то компания запасных нижних чинов, призываемых на действительную службу, но еще не явившихся, устроила здесь что-то вроде «отвальной».

Керосиновые лампы тускло светили в облаках табачного дыма и кухонного чада. На полу, покрытом грязью и талым снегом, занесенным с улицы, стояли лужи пролитого вина и пива, валялись разбитые бутылки и стаканы, какие-то объедки...

Обрывки нескладных песен, пьяная похвальба, выкрикивание отдельных фраз с претензией на высоту и полноту чувств, поцелуи, ругань... Общество было самое разнообразное – мелкие собственники, приказчики, извозчики... – рубахи-косоворотки и воротнички «моно-

моль», армяки, картузы, пальто с барашковым воротником, шляпы и даже шапки из дешевого китайского соболя, окладистые бороды и гладко «под англичанина» выбритые лица... Словно в тяжелом кошмаре, против воли, я смотрел, слушал, старался что-то понять, пытался уловить настроение этих будущих защитников Порт-Артура...

Как знать?.. Может быть, это вовсе не пьяный угар, а богатырский разгул? Раззудись плечо, размахнись рука!.. Так что ли? Не знаю... Во всяком случае, китаец, прибежавший сказать, что извозчик приехал, был встречен как избавитель.

Одиссея моих ночных скитаний в поисках пристанища малоинтересна.

К утру пурга улеглась; ветер стих, и солнце взошло при безоблачном небе. К 10 часам, когда я отправился являться по начальству, улицы превратились в непроходимую топь. Пользуясь случаем, немногочисленные извозчики (большинство из них было из запасных и теперь прекратило свою деятельность) грабили совершенно открыто, среди бела дня, беря по пять рублей за пять минут езды.

Говорят, что первое время, пока для обуздания их аппетита не были приняты решительные меры, они зарабатывали, благодаря невылазной грязи, по сто и даже более рублей в день. Но это только так, к слову. Тогда, в охватившей всех горячке, на такие мелочи не обращали внимания.

Нырять по выбоинам, перескакивая лужи, похожие на пруды, жмурясь и прикрываясь, как можно, от брызг жидкой грязи, снопами вздымавшихся из-под ног лошадей и колес экипажей, я давно всматривался, пытаюсь уловить и запечатлеть в своей памяти общую картину, общее настроение города... Поминутно попадались обозы, отмеченные красными флажками; тяжело громыхали зарядные ящики артиллерии; рысили легкие одноколки стрелков; тащились неуклюжие туземные телеги, запряженные лошадьми, мулами, ослами; высоко подобрав полы шинелей, шагали при них конвойные солдаты; ревели ослы, до надрыва кричали и ссорились между собой китайские и корейские погонщики; беззастенчиво пользовались всем богатством русского языка ездовые; с озабоченным видом, привстав на стременах, сновали казаки-ординарцы; с музыкой проходили какие-то войсковые части; в порту грохотали лебедки спешно разгружавшихся пароходов; гудели свистки и сирены; пыхтели буксиры, перетаскивающие баржи; четко рисуясь в небе, поворачивались, наклонялись и подымались, словно щупальца каких-то чудовищ, стрелы гигантских кранов; слышался лязг железа, слова команды, шипение пара; откуда-то долетали обрывки «Дубинушки» и размеренные выкрикивания китайцев, что-то тащащих или подымающих... А надо всем – ярко-голубое небо, ослепительное солнце и гомон разноязычной толпы.

«Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний...» И тем не менее чувствовалось, что в этой суете, в этом лихорадочном оживлении не было ни растерянности, ни бестолочи. Чувствовалось, что каждый делает свое дело и уверен, что выполнит его, как должно. Огромная машина, которую называют военной организацией и которую в мирное время лишь по частям проверяют и «проворачивают вхолостую», работала внастоящую, полным ходом.

Тяжелые впечатления вчерашнего дня – станция Дальнего, буфеты Нангалина и Порт-Артура, желчные речи путейца – все сгладилось, потонуло в чувстве солидарности с этой массой людей, еще так недавно почти чуждых друг другу, а теперь – живших одной жизнью, одной мыслью.

Глава II

Порт-Артурские впечатления.

Слава Богу – на миноносце! Первый выход. «Беречь и не рисковать!». Тяжкая обида

Первое место, куда я направился, был, конечно, морской штаб наместника. Там я надеялся не только узнать что-нибудь достоверное о судьбе «Боярина», тесно связанной с моей собственной, но и вообще несколько сориентироваться, разобраться в слухах и сплетнях.

В прихожей и смежной с ней комнате стояли огромные ящики, в которые писари укладывали синие папки «дел» и разные канцелярские принадлежности. Работой руководил чиновник.

– Что это? Укладываются? Куда?

– Нет... так, на всякий случай... впрочем, извините! – и он, отвернувшись от меня, с явно деланным раздражением набросился на какого-то писаря, оказавшегося в чем-то виноватым.

Начальник штаба контр-адмирал Витгефт, мой бывший командир, с которым я сделал трехлетнее плавание, встретил как родного. Обнял, расцеловал, но сейчас же, словно предупреждая всякие вопросы, торопливо сообщил, что, «по слухам», еще есть надежда на спасение «Боярина», что мне надо как можно скорее явиться к начальнику эскадры, что там мне все скажут, укажут и т. д., а сам в то же время схватился за какие-то бумаги, начал их перелистывать, перекладывая с места на место, как бы давая понять, что страшно занят и разговаривать ему некогда.

Выйдя из кабинета, я попытался обратиться к офицерам, служащим в штабе, из которых большинство были старыми соплавателями и сослуживцами по эскадре Тихого океана, некоторые даже товарищами по выпуску, но все они, в момент своего прихода, видимо, ничего не делавшие, теперь сидели за столами, копались в бумагах, имели вид чрезвычайно озабоченный и отделивались какими-то туманными фразами. Однако это отнюдь не было следствием «штабной» важности, забвения старой дружбы.

Наоборот, как только я сказал, что у меня в городе нет пристанища, на меня посыпался целый ряд самых радушных предложений гостеприимства, и люди, только что отговаривавшиеся неотложными делами, всецело занялись посылкой вестовых для сбора моего имущества, растерянного по Артуру.

На «Петропавловске», где держал свой флаг начальник эскадры⁹, настроение было еще более подавленное.

«Точно покойник в доме», – невольно мелькнуло у меня в голове...

Флаг-офицеры и другие чины штаба и судового состава радостно пожимали руки, непрерывно расспрашивали о кронштадтских и петербургских знакомых, чрезмерно интересовались дорогой, но решительно уклонялись от всякого разговора о положении настоящего момента. Флаг-капитан был, по-видимому, занят еще больше, чем адмирал Витгефт. Он просто и без замедления провел меня к начальнику эскадры.

За три года, что я его не видел, адмирал мало изменился. Все та же фигура старого морского волка, даже седины немного прибавилось, но только добродушно-проницательный взгляд серых глаз сделался как-то сосредоточенно-усталым, словно обращенным куда-то внутрь. Казалось, что, произнося ласковые слова приветствия, отдавая приказания, он делает это чисто механически, по привычке, что мысли его заняты чем-то совсем другим, что, разговаривая со мною, он слушает не меня, а какой-то тайный голос, подымающийся со дна души, и с ним ведет свою беседу.

– ...Да, да... говорят – есть надежда. Командир, 70 человек команды отправились сегодня... искать... Может быть... Тогда, завтра – Вы с остальными...

Я попытался попросить разрешения отправиться теперь же на чем-нибудь... на миноносце, на портовом баркасе.

Адмирал сначала, как будто, согласился.

⁹ Начальником эскадры Тихого океана с осени 1902 г. был вице-адмирал Оскар Викторович Старк (1846–1928), который обычно выступал в качестве простого исполнителя распоряжений энергичного наместника – адмирала Е. И. Алексеева.

– Да, да... конечно...

Потом вдруг, словно что вспомнив, усталым голосом промолвил:

– Впрочем, нет... все равно... вряд ли... – и, круто повернувшись, даже не простясь, тяжелой походкой направился из приемной в свой кабинет...

Выйдя на набережную, я зашел в дом (или, как говорили, «дворец») наместника, расписался здесь в книге являющихся и направился домой, т. е. к приютившему меня товарищу. Следовало бы еще явиться к младшим флагманам эскадры, но я решил отложить это на завтра, – не все ли равно?.. Мне было так тяжело... Так хотелось быть одному...

Хозяин еще не вернулся со службы. Сбросив мундир, я сел у окна и стал глядеть... Прямо передо мной возвышался массив Золотой горы, увенчанной брустверами батарей, над которыми высоко в небе гордо вился по ветру наш русский флаг... «Где однажды поднят русский флаг, там он уже никогда не спускается», – пришла на память знаменитая резолюция Николая I на донесение о занятии Уссурийского края. Еще вчера, еще сегодня утром я верил в ее непреложность... Ну, а теперь?.. Я не смел дать себе никакого ответа... Может быть, даже хуже, – я не хотел слушать того ответа, который шептал мне какой-то тайный голос... Налево, в восточном углу бассейна, в доке, был виден «Новик», а из-за серых крыш мастерских и складов поднимается целый лес стройных, тонких мачт миноносцев, скученных здесь борт о борт; в легкой мгле, пронизанной лучами вечернего солнца, темнели громады «Петропавловска» и «Севастополя»; правее, в проходе на внешний рейд через здания минного городка, видны были мачты и трубы стоящего на мели «Ретвизана»; еще правее, за батареями, постройками и эллингом Тигрового Хвоста, обрисовывались силуэты прочих судов эскадры, тесно набитых в небольшое пространство Западного бассейна, которое «успели» углубить... Небо было все такое же безоблачное, солнце – такое же яркое; шум и движение на улицах и в порту, кажется, еще возросли... Но это смеющееся голубое небо не радовало, не скрашивало своими лучами уличной грязи и лохмотьев китайских кули, а только досадно слепило глаза; шум и движение казались бестолковой суетой... Почему?..

Старая, в детстве читанная сказка Андерсена вспомнилась вдруг. В театре фея Фантазия нашептывает зрителю: «Посмотри, как хороша эта ночь! Как, озаренные луной, они живут всей полнотой сердца!» – а в другое ухо долговязый черт Анализ твердит свое: «Вовсе не ночь и не луна, а просто размалеванная кулиса, за которой стоит пьяный ламповщик! А эта вдохновенная певица только что ссорилась с антрепренером из-за прибавки жалованья»...

Я, кажется, задремал...

Вечером пошел в Морское собрание. Строевых офицеров, как наших, так и сухопутных, почти не было. Изредка забежали штабные и портовые. Преобладали чиновники и штатские обыватели. Сплетни и слухи, одни других невероятнее, так и висели в воздухе. Одно только признавалось всеми, и никто против этого не спорил: если бы японцы пустили в первую атаку не 4, а 40 миноносцев и в то же время высадили хотя бы дивизию, то и крепость и остатки эскадры были бы в руках их в ту же ночь...

Курьезно, что разговоры на эту тему, казалось бы наиболее животрепещущую, носили какой-то «академический» характер суждений о материях важных, но в будничной жизни несущественных.

Существенным, наиболее важным вопросом, являлось: «Как-то наместник вывернется из этого положения?» Что он вывернется (и притом без урона), никто не сомневался. Но как? Просто талантливо отыграется или за чей-нибудь счет, т. е. кого-нибудь выставит «козлом отпущения»?

– Несдобровать Старку!.. Хороший человек, а несдобровать! Прямо скажу – жаль... А ничего не поделаешь! – хриплым басом заявил грузный (и уже изрядно нагруженный) торговый чин.

– Напрасно так полагаете! – отозвался с соседнего стола некий «титularyный». – Не так-то просто скушать! Документик¹⁰ у него есть в кармане такого сорта, что «сам» на мировую пойдет! И не только на мировую – ублажать будет, к награде представит! Это все нам в штабе точно известно...

– А ты молчал бы лучше! – резко оборвал его сосед-собутыльник. – Документ-то у Старка, а не у тебя! Смотри, дойдет до... куда следует, – от тебя только мокро останется...

«Титулярный» вдруг присмирел.

На другой день, 2 февраля, еще до подъема флага, я был уже на «Петропавловске». Печальная весть: «Боярин» погиб.

Приходилось искать место куда бы пристроиться. По моему служебному возрасту это было не так-то просто. Помогли старые друзья по эскадре, место нашлось чисто случайно. Опасно заболел и подал рапорт о списании командир миноносца «Решительный», лейтенант К.¹¹ Для назначения меня на эту вакансию требовалась канцелярская процедура, которая обычным порядком заняла бы дня три, но тут ее обделали в несколько часов: по докладе начальнику эскадры его штаб должен был запросить штаб наместника, не встречается ли препятствий к моему назначению; штаб наместника, по докладе его высокопревосходительству, должен был ответить, и в случае благоприятного ответа, доложенного начальнику эскадры, этот последний мог отдать приказ о временном моем назначении, которое получало формальную санкцию после утверждения его приказом самого наместника.

Дело оборудовали блестяще. Я сам служил за рассыльного и носил бумаги из одного учреждения в другое.

– Ну, братец, теперь дело в шляпе! – говорил старый товарищ, у которого я поселился, – вечером выйдет приказ по эскадре, а о приказе наместника не заботься: он в эти мелкие перемещения не входит. Это предоставлено Вильгельму Карловичу¹², а он ответил – «препятствий нет». Поднесем «самому» корректуру подтвердительного приказа – пометка зеленым карандашом – и кончено! – Спасибо, дорогой! Сердечное спасибо! За обедом ставлю Мумм, а теперь пойду повидать К. Может быть, сдача денежной суммы...

– Так я позову к обеду кого-нибудь из наших? – кричал он мне вслед.

– Зови! Зови! Спрыснем!..

Я нашел К. в запасных комнатах Морского собрания, лежащего в постели, в сильном жару¹³. Одно, что он твердо помнил, это отсутствие на его руках каких-либо денежных сумм.

– Только что начали кампанию, а потому денег никаких. Снабжение, припасы... там должно быть... в книгах... Вы найдете... – он, видимо, усиливался вспомнить, привести в порядок мысли, лихорадочно теснившиеся в голове, но его жена, бывшая тут же, исполняя роль сестры милосердия, так красноречиво взглянула на меня, что я заторопился покончить деловые разговоры, пожелать доброго здоровья и уйти.

Дома – чертог сиял! Хозяин, выражаясь эскадренным жаргоном, «лопнул от важности» и устроил обед gala¹⁴.

– Идет «Решительный»! Место «Решительному»!

– Господа! Без каламбуров! «Решительно» прошу к закуске! – провозгласил хозяин. – Институтки вы, что ли? Лобызаться, когда на столе свежая икра и водка!

Вышла формальная пирушка.

¹⁰ Реальность существования сохранившегося у О. В. Старка рапорта с предложениями по повышению боеготовности эскадры, на котором осталась отрицательная резолюция Е. И. Алексеева, впоследствии подтвердили родственники адмирала.

¹¹ «Лейтенант К.» – лейтенант А. А. Корнильев.

¹² Контр-адмирал Витгефт – начальник морского штаба наместника. – Примеч. авт.

¹³ Лейтенант К. был эвакуирован, но доехал только до Харбина, где скончался. – Примеч. авт.

¹⁴ Торжественный, парадный (фр.). – Примеч. ред.

– Надо откровенно признаться, по совести, миноносец твой не очень важное кушанье! – басил один из гостей. – Наше, российское, неудачное подражание типу «Сокола»! Ну, а все-таки: щей горшок, да сам большой! Ха-ха-ха!

Под шум общего разговора я рассказал хозяину дома результаты моего визита к К.

– Ну, и слава Богу! Главное деньги, а с отчетностями по материалам кто станет разбираться? Да и куда его? Японцам в руки? – вино, видимо, несколько развязало ему язык, и он вдруг заговорил торопливым шепотом, наклонившись к моему уху. – Главное: принимай скорее! Завтра же! Подавай рапорт, что принял на законном основании и вступил в командование! Проскочило – пользуйся! Сменять уже труднее! Ну?.. Понял?..

После полубессонных предыдущих ночей я спал как убитый, когда почувствовал, что кто-то толкает меня в плечо, и услышал настойчиво повторяемое: «Ваше высокородие! А! Ваше высокоблагородие!»

– Что такое?

– Так что Вас требуют к телефону из штаба и очень экстренно!

Серый рассвет ненастного дня глядел в окна. Видимо, было еще очень рано.

– Экстренно! Весьма экстренно! – повторял вестовой...

Я вынырнул из-под теплого одеяла и, ежась от холода, подбежал к телефону.

– Аллю! Слушаю! Откуда говорят?..

– Вчера вечером вышел приказ о вашем назначении...

– Знаю, знаю!..

– Можете ли Вы сейчас вступить в командование? В 7 часов миноносец должен выйти на рейд... Пары разводят.

Я посмотрел на часы – 6 ч 35 мин!

– ...Там поступите в распоряжение младшего флагмана. Флаг – на «Амуре». Получите инструкции. Как доложить начальнику штаба? Можете ли?

Незнакомый миноносец... Черт его знает, какой... Сели – поехали... Какой вздор! Конечно, не могу... – мелькало в голове... Но вдруг вспомнился вчерашний разговор – «принимай скорее, проскочило – пользуйся» – и вместо энергичного отказа я крикнул в телефон:

– Конечно могу! Доложите адмиралу – еду сию же минуту! Дайте к пристани дежурный катер!

При помощи хозяина дома, тоже сорвавшегося с постели на звонки телефона, наскоро побросали в первый попавшийся чемодан все, что находили крайне необходимым, и через несколько минут я уже был на адмиральской пристани в сопровождении вестового, тащившего вещи, а еще минут через пять высаживался на «Решительный».

Миноносец «Сильный» типа «Сокол»

Меня встретили: лейтенант (минер), два мичмана и механик. Было не до церемоний. Познакомились, и я прямо, не спускаясь вниз, прошел на мостик.

Было 7 ч утра.

Золотая гора на своей мачте уже держала сигнал: «Решительный», ход вперед!».

«Господи, благослови!» – подумал я и скомандовал: «Отдать носовые швартовы!»

Миноносец оказался на редкость послушным суденышком. Несмотря на полное незнакомство с ним, я благополучно развернулся в каше судов, заполнявших Восточный бассейн, вышел в проход, обогнул «Ретвизан», окруженный всякими «портовыми средствами», и, сопровождаемый миноносцем «Стерегающий», следовавшим за мной, оказался на внешнем рейде, где ждали нас «Амур», под контр-адмиральским флагом¹⁵, «Гиляк» и «Гайдамак».

Единственной полученной мною инструкцией с «Амура» был сигнал: «Следовать за мной. Держаться на правой раковине».

Пошли в направлении к Талиенвану.

Погода была подозрительная. Пасмурно. Тянул слабый восточный ветер. В воздухе кружились редкие снежинки... Я пригласил на мостик лейтенанта и спросил его: есть ли таблицы девиации компасов? Он отозвался полным незнанием, так как назначен на миноносец только вчера... Спросил старшего из мичманов, который оказался старожилом – на миноносце уже две недели, – он сообразил, что в эту кампанию никто к компасам не прикасался и магниты стоят по-прошлогоднему.

– То-то я смотрю, что вместо курса, данного адмиралом, наш главный компас показывает не то цену дров, не то число жителей! – пошутил я, но в душе было не до шуток... Скройся за снегом берега, и я, не зная поправки своих компасов, оказался бы привязанным к «Амуру», как слепой к поводью.

Часу в десятом подошли к островам Саншан-тау, у входа в залив Талиенван.

«Амур» сделал сигнал: «Миноносцам осмотреть бухты Кэр и Дип» – и вместе с прочими судами отряда («Гиляк» и «Гайдамак») дал малый ход, мы же, наоборот, увеличили скорость. Я был старшим, и «Стерегающий» следовал за мной.

Как сейчас помню этот мой «первый выход».

¹⁵ На «Амуре» держал флаг младший флагман эскадры и заведующий прибрежной обороной контр-адмирал Михаил Федорович Лоцинский.

Как, поразительно ясно охватывая, воспринимая все мелочи окружающей обстановки, работает мысль в такие моменты! Какие неожиданные решения принимаются вдруг, внезапно, как бы являясь извне, а на самом деле (по позднейшей критике их) строго соответствуя условиям данной минуты.

Бухты Кэр и Дип (к востоку от Талиенвана) были мне хорошо знакомы по прежним плаваниям. Не было нужды ни в компасе, ни в карте – только бы видеть приметные мысы и камни. В этих бухтах мог быть неприятель. Приказано – осмотреть. Но если кого увидим?.. Запрещения нет! А значит, ясно – атаковать!

– Больше ход! Боевая тревога! – крикнул я, оборачиваясь назад с мостика.

Команда побежала по своим местам.

– Так в случае... Вы думаете атаковать? – услышал я рядом голос минера...

– Конечно!.. – и по огоньку, блеснувшему в его глазах, увидел ясно, что мой ответ пришелся ему по душе. – Да, приготовьте рулевые закладки: если миноносцы, свалка, – минами по поверхности...

– На какой борт?

– На какой выйдет! Поставьте один аппарат на правый, другой – на левый, а уж там – не зевайте!

– Есть!

К мостику подбежал механик.

– Будьте готовы на самый полный! – крикнул я, предупреждая его вопрос.

– Атака?

– А кто его знает?

Мы шли узлов 16. Сзади, в кильватер «Решительному», мчался «Стерегающий», взбрасывая носом пенистые буруны.

Ближе и ближе бурая, чуть посыпанная снегом громада утесистого мыса, скрывавшего от нас бухту... Если кто есть – ворвемся неожиданно!.. А вдруг с той стороны тоже караулят?.. Сердце билось так шибко, так жутко и так хорошо...

Никого!..

Оба миноносца, описав по дуге бухту, выскочили в море и тем же порядком осмотрели следующую.

Опять никого!.. Весь наш задор пропал даром...

Как только сигналом я донес, что обе бухты свободны от неприятеля, «Амур», приказав «Гиляку» и «Гайдамаку» ждать его на прежнем месте, сам пошел ставить мины. Мы, т. е. «Решительный» и «Стерегающий», получили приказание следовать за ним несколько в стороне и сзади, чтобы расстреливать (топить) неудачно поставленные и всплывшие мины, которые могли бы указать неприятелю место заграждения.

Это конвоирование минного транспорта, шедшего со скоростью 5–6 узлов, было только скучно...

Возвратившись к месту, где нас должны были ожидать «Гиляк» и «Гайдамак», мы их не нашли. Бродили взад и вперед, искали... Наконец, ввиду скорого наступления сумерек, пошли в Дальний без них. Здесь оказался «Всадник». Наутро, справившись по телефону, узнали, что, не найдя нас среди метели, оба наших конвоира (по собственной инициативе или по приказанию начальства – не знаю) возвратились в Порт-Артур. Признаюсь, такое простое решение задачи не слишком мне понравилось. После гибели «Енисея» у нас оставался только один минный транспорт – «Амур», который стоило беречь. Потому-то и придали ему в охрану канонерку, минный крейсер и два миноносца.

Теперь имелись налицо только два последних. Между тем главную силу охраны представлял «Гиляк» со своими 120-миллиметровыми пушками¹⁶.

«Амур» стал в глубине гавани, а «Решительный» и «Стерегущий» – в северных и южных воротах охранными судами.

Стоянка была отвратительная. Приливно-отливное течение, направлявшееся либо в ворота, либо из ворот гавани, упорно держало миноносец поперек крупной зыби, шедшей с юга. Мотало до такой степени, что, несмотря на всю привычку, на все практикой приобретенное искусство «заклиниваться» в койке, спать было невозможно. Пожалуй, что охранная служба от этого только выигрывала, но зато мы – жестоко терпели.

Печальный опыт «Боярина», видимо, не прошел даром. Минирование Талиенванского залива решено было закончить по строго определенному плану, и с утра следующего дня портовые паровые баркасы занялись подготовительной работой – постановкой вех, места которых точно обозначались на карте и между которыми должны были располагаться линии заграждения.

5 февраля произошел инцидент сам по себе незначительный, но причинивший мне немалое огорчение.

Я стоял борт о борт с «Амуrom» и принимал уголь. Погрузка еще не была закончена, когда меня потребовали к адмиралу.

– Можете ли Вы немедленно дать ход?

– Так точно!

– Рабочие баркасы почему-то возвращаются. Им было приказано возвращаться, если увидят что-нибудь подозрительное... Ступайте, узнайте, посмотрите. Если ничего нет, прикажите им продолжать работу.

– Есть!

Через несколько секунд «Решительный» уже мчался из гавани навстречу медленно движавшемуся рабочему отряду.

Поравнялись. Застопорили машины.

– В чем дело?

– В море, как будто, японский миноносец.

– Сколько?

– Один!

– Большой?

– Не разобрать! Далеко!

Всего вероятнее, какое-нибудь недоразумение: либо свой, либо померещилось. Погода ясная – ни тумана, ни снега. Что же делать тут, при подобных условиях, среди бела дня, одинокому миноносцу? А если забрел, то ему же хуже! Я ни минуты не колебался.

– Возвращайтесь на работу! Я его прогоню!

Пока неуклюжие баркасы с гребными шлюпками на буксире разворачивались своим черепашим ходом. «Решительный», лихо рассекая невысокую, но крутую встречную волну, весь в пене и брызгах, мчался к проливу между островами Саншан-тау.

Опять боевая тревога; опять с возбужденными и радостными лицами разбежались по своим местам офицеры и команда...

Выскочили в море. Горизонт совершенно чист. Видимость миль на десять. Кругом – ничего, кроме одной китайской шампунки, четырехугольный парус которой, стоявший вкось, действительно можно было издали принять за трубу.

– Не везет нам, Ваше высокоблагородие! Второй раз! – не удержался от фамильярного замечания старший рулевой.

¹⁶ Главное вооружение канонерской лодки «Гиляк» составляли одно 120-мм и пять 75-мм орудий.

– А может быть, и есть?.. За угол спрятался?.. – нерешительно, словно про себя, промолвил мичман, стоявший на ручках машинного телеграфа.

Сам я не верил в подобную возможность, но эти два замечания показались мне голосом народа, т. е. всего экипажа, и я подумал, что было бы крупной ошибкой не поддержать этого настроения, бодрого молодого задора, этого порыва переведаться с врагом...

– Ну что ж? Поищем. Может, и подвезет! От нас не спрячешься! Самый полный ход! Смотри в оба, молодцы!

Загremели звонки машинного телеграфа...

Пробежали к одному мысу, к другому, заглянули – никого. Никакого признака неприятеля.

– На чистоту-то не смеют! Что говорить! Третий день мотаемся – хоть бы кто! – слышались самоуверенные голоса среди команды...

– Нет нам удачи! – печально вздыхал мичман...

Пошли обратно, в гавань Дальнего, для доклада адмиралу, но по пути встретили «Всадник».

– Остаться в море на подходе к рейду, и охранять рабочую партию! – сигналили с него. Вернулись и целый день мотались на зыби.

К вечеру, возвратившись на свое охранное место я поехал на «Амур» с рапортом. Адмирал встретил меня весьма сурово и, выслушав доклад, заявил:

– Вам было приказано только узнать, посмотреть и донести, а не пускаться в авантюры!

– Но, Ваше превосходительство, на основании того, что я узнал, я считал себя вправе действовать...

– Вы не имели права рисковать своим миноносцем! Вы обязаны беречь вверенное вам судно!..

Возвращаясь с «Амура», я был совсем... расстроен.

«Как? – думалось мне, – не рисковать?.. Но ведь вся война – это сплошной риск и людьми, и судами! Разве любая атака миноносца, даже в самых благоприятных условиях, не есть, с точки зрения благоразумной осторожности, самый отчаянный риск?.. Беречь свое судно?.. Но ведь если его берегут в мирное время, то единственно для боя! Если беречь суда от встречи с неприятелем, то лучше всего было бы спрятать их в неприступные гавани, но тогда на кой черт самый флот?!»

«Не рисковать» – вот формула, которой с одинаковым успехом держались Алексеев – на море, а Куропаткин – на суше.

Сколько раз вспоминал я эту формулу в течение войны, вспоминал со злобой, с проклятием... Ведь рискнуть все-таки пришлось, но только уже после целого ряда неудач, бесплодно растратив немало сил, не использовав первого подъема духа... В результате – Мукден и Цусима...

Тогда, в то время, я, конечно, не знал и не мог знать, чем дело кончится, но, правдивый сам перед собою, в своем дневнике не мог не отметить, что в душе всецело присоединяюсь к тому глухому ропоту, который слышался кругом и который я по долгу службы старался утишить...

Полагаю, понятно, что, вернувшись домой на миноносец, я ни словом не обмолвился о моей беседе с адмиралом. Я считал, что то настроение задора, предприимчивости, жажды сцепиться, подраться, которое каким-то неведомым путем создается и овладело офицерами и командой, – необходимое, первое условие успеха деятельности такого судна, как миноносец.

Я считал преступлением расхолаживать их, внушать, что мы не должны «рисковать» (Чем? Встречей с неприятелем?) и «беречь вверенное нам судно» (От чего? От неприятельских снарядов?).

7 февраля наша работа была закончена, и мы возвратились в Порт-Артур. За все время японцев так и не видели, зато от постоянно менявшейся погоды пришлось немало вытерпеть. Иные дни, даже при ветре, температура держалась 2–3° выше нуля, иногда же, при штиле, мороз доходил до 7°, и за несколько часов поверхность гавани покрывалась льдом, впрочем, таким тонким, что миноносец резал его без затруднения и без опасности для корпуса.

За эти же дни обнаружилось весьма неприятное свойство наших мин заграждения. Испытывались они на тихих учебных рейдах вроде Транзунда (в Балтийском море) и Тендровской косы (в Черном море), где были признаны вполне удовлетворяющими своему назначению. Но здесь, в бухтах, куда заходила зыбь с открытого (настоящего) моря, где действовали приливно-отливные течения, из-за ничтожной конструктивной ошибки они оказались опасными не только для врагов, но и для друзей. Минреп, т. е. веревка, свитая из стальной проволоки, которая соединяет с якорем мину и держит ее на месте, проходит через отверстие, вырезанное в особом щите, называемом парашютом. Отверстие в парашюте выдавливалось общепринятым для этой цели станком, и никому в голову не приходило обратить внимание на то, что края его острые. Между тем на зыби и переменных течениях минреп при малейшей «слабине», дававшей ему возможность движения, терся об эти острые края, перетирался, и мина, вполне готовая при малейшем ударе к взрыву, пускалась в плавание по воле волн.

Был случай, когда такая мина подплыла к стоявшей у самого берега моря фанзе¹⁷ рыбака-китайца, ударились о прибрежные камни, и от фанзы со всеми в ней находившимися ничего не осталось... Другая при тихой погоде подплыла к пологому берегу и здесь обсохла во время отлива. Ее нашел обход какого-то стрелкового полка, решил предоставить по начальству и поволок... Конечно – взрыв... Из 12 человек обхода чудом уцелел только один, который и мог рассказать, как было дело... Разумеется, никто, ни мы, ни японцы, не были обеспечены от возможности наткнуться на подобную мину, плававшую в открытом море.

Уходя из Талиенвана, мы видели две такие. Было дано приказание их уничтожить.

В Порт-Артуре меня ожидал тяжкий удар...

Только что успел я ошвартоваться у набережной, где находились угольные склады, и начать погрузку, как офицер, прибывший на дежурном катере, сообщил мне, что уже состоявшимся приказом заместника он назначен командовать «Решительным», а я перевожусь старшим офицером на «Ангари».

– Миноносец пришел на отдых? – спрашивал «новый командир»¹⁸, не выходя с катера...

– Какой тут отдых! Приказано погрузиться углем, перейти к мастерским, за ночь выполнить необходимые работы (кое-что есть в машине) и к 8 часам утра быть под парами в готовности идти на рейд!.. Вступайте в командование!..

«Новый» сразу переменил тон, поспешно выскочил на палубу, начал пожимать мне руки...

– Как же так! Совсем неожиданно! Я вовсе не готов!.. Уж вы не откажите в дружеской услуге: по окончании погрузки переведите миноносец к мастерским. Войдите в мое положение – первый раз на судне, в сумерках, а может быть, и ночью, менять место в такой каше... – просительно заговорил он...

Надо сознаться, это выходило довольно бесцеремонно, но я так был ошеломлен внезапностью, что машинально ответил:

– Хорошо, хорошо... поезжайте по вашим делам: я все устрою.

Катер поспешно убежал.

Было уже совсем темно, когда, установив «Решительный» у эллинга, в ряду других миноносцев, я собрался его покинуть. Сборы были недолгие – один чемоданчик, – прочие вещи

¹⁷ Фанза – китайская хижина. – Примеч. авт.

¹⁸ «Новым командиром» «Решительного» стал капитан 2 ранга Ф. Э. Боссе.

еще оставались на берегу, на квартире товарища, откуда я так внезапно был вытребован. За поздним временем решил провести ночь у него же, а к месту нового служения явиться завтра.

В кают-компании офицеры собрались проводить «по обычаю». Чокнулись, выпили, но пожелания были какие-то смутные, сбивчивые, словно на поминках. Мне показалось, что за этот короткий срок – всего 5 дней – мы успели сжиться, и расставание вышло тяжелым. Надо было скорей кончать.

– Ну, господа! – обратился я к ним. – Как бывший командир, хотя и кратковременный, благодарю вас за службу. Все было отлично. С судьбой спорить не приходится. Всякому свое. Я буду гнить на транспорте, а вам желаю, чтоб на первом же шоколаде с картинками, который выпустят за время войны, была фотография «Решительного»!

– Спасибо! Спасибо! За нами дело не станет! Вам дай Бог! Что Вы говорите! Вам ли сидеть на транспорте! – зашумели все вдруг.

Я поспешил выйти наверх. Там, особенно после яркого освещения кают-компаний, была тьма кромешная (по военному положению снаружи не должно быть видно никакого огня), только вестовой чуть приоткрытым боевым фонарем указывал дорогу к трапу.

– А команда? – схватил меня за рукав лейтенант в то время, как я собирался садиться в вельбот...

Оглянувшись, уже несколько освоившись с темнотой, я различил ряды человеческих фигур, черневших вдоль борта.

– Зачем же это? Какой тут парад! Не по уставу: ночь – спать должны!

– Я не приказывал; сами вышли – хотят проститься...

Я ступил несколько шагов вперед, вдоль по фронту.

– Спасибо за службу, молодцы! Дай Бог вам и вашему миноносцу скорой встречи с неприятелем и славного боя! Прощайте!

– Рады стараться! Покорнейше благодарим! Счастливо оставаться!.. – загудело во тьме нестройно, но так сердечно, что... я был рад мраку ночи...

Традиционный поцелуй боцману, последнее рукопожатие офицерам, несколько взмахов весел... все кончено, все осталось далеко позади...

– Что случилось? В чем дело? – набросился я на приютившего меня (штабного) товарища, – что ж ты мне сказки рассказывал, что все налажено, все устроено...

– Но, пойми...

– Нет, ты пойми! Я бросил свое место ради войны! Кронштадтские транспорты не хуже артурских, да ведь я не пошел бы на них! Всю службу провел на боевых судах, а пришла война – попал на транспорт... Что ж это такое? Не нашлось у вас, что ли, цензовиков для «Ангары»? Непочатый угол, я думаю!..

– погоди! погоди! Отругался – и будет. Все было сделано так, как я говорил. И корректуру приказа поднесли на утверждение, как всегда, для проформы... Вдруг – собственноручно, зеленым карандашом, вычеркнул; говорит: «есть старше». Вильгельм Карлович пробовал за тебя заступиться... Куда ж, – говорит, – его? Ведь был назначен старшим офицером... – А он: на «Ангару»! – и сам пометку сделал... «Он» все помнит...

Я плохо спал эту ночь, вернее – вовсе не спал.

Старшинство было, очевидно, пустым предлогом. Из числа командиров миноносцев можно было насчитать нескольких много моложе меня... Но тогда что же? Неужели теперь, в такое время, на таком посту, помнить, что несколько лет тому назад какой-то лейтенант не захотел быть придворным летописцем... Помнить, что этот маленький чин осмелился сказать «его» адъютанту, что никогда еще не продавал ни своего пера, ни своей шпаги!.. Но ведь если даже унижаться до таких мелких личных счетов, так и это – счета мирного времени!.. Перед грозой войны о них забыть нужно! Так честь, так долг, так совесть велит!..

«Не может быть! – думал я, ворочаясь на постели и тщетно пытаясь уснуть. – Ведь у нас война! Настоящая война, а не китайская бутафория... На войне охотников-добровольцев пускают в первую голову!..»

С невольной горечью вспомнился рассказ про одного из наших известных адмиралов, как он, будучи еще старшим офицером, на замечание командира, отличавшегося самовластием (чтобы не сказать самодурством) – У меня так служить нельзя! – ответил: – Я не у Вас служу, а с Вами служу Государю Императору! Меня нанять к себе на службу – у Вас денег не хватит!

Какой ужасной ересью было бы признано такое исповедание веры в Порт-Артуре времен наместничества!..

Чуть забрезжил свет, я уже был на ногах и, едва дождавшись положенного срока (начала присутствия), поспешил в штаб.

В. К. Витгефт принял меня немедленно, но еще более, чем в первое свидание, казался озабоченным и смущенным.

– Напрасно Вы так огорчаетесь насчет «Ангары», – пробовал утешить он, – это вовсе не транспорт, она уже зачислена в крейсерский отряд. Ей, может быть, предстоят весьма важные операции. Пароход недавно принят от Добровольного флота; команда сборная. На Вас рассчитывают, что Вы там все устроите... Это дело старшего офицера... и очень ответственное и серьезное дело... – Но если назначение такое почетное, то несомненно на него найдутся кандидатуры и старше, и достойнее меня. Я отнюдь его не домогаюсь. Я был назначен старшим офицером на «Боярин». «Боярин» погиб. Смешно было бы проситься на другой корабль тоже старшим офицером; я и не думаю об этом, но я прошу какого-нибудь места на боевом корабле! Для этого я сюда ехал. Вы меня знаете – я штурман первого разряда, много плавал, и здешние места знакомы мне в совершенстве... Назначьте меня штурманом! Если нельзя – хоть вахтенным начальником! Я всем буду доволен!

Адмирал, всегда бывший плохим дипломатом, не выдержал роли и, перегнувшись ко мне через стол, беспомощно развел руками.

– Ну, что я могу? Неужели Вы думаете, что я бы... Но, когда... понимаете, собственноручно! Зеленым карандашом!..

Не стоит говорить о том, что я думал и чувствовал, выходя из штаба...

На пороге меня задержал один из старых приятелей.

– Макаров назначен в Тихий океан со званием командующего флотом, – скороговоркой на ухо шепнул он.

– Что?.. А Вы?..

– Уезжаем... Доволен? Теперь не засидишься на «Ангаре»! Только не болтай, пока – секрет...

Я от души пожал ему руку и с облегченным сердцем отправился к новому месту службы.

Глава III

«Эскадра» под высокой рукой адмирала Алексева.

Личные наблюдения. Рассказы участников и очевидцев про 26 и 27 января. Жизнь порта и портовые обычаи. Первая попытка японцев «закупорить» Порт-Артур. Начало разоружения судов. В ожидании приезда С. О. Макарова

На «Ангаре» мне впервые пришлось встретиться с очевидцами катастрофы 26 января и непосредственными участниками боя 27 января, притом встретиться в кают-компании в качестве сослуживца, а не чужого человека.

Позволю себе здесь маленькое отступление. Принимаясь за настоящую работу, я вовсе не собирался писать истории минувшей войны на море. Такой труд будет возможно осуществить во всей его полноте лишь тогда, когда для исследователя откроются ныне закрытые

архивы, когда «секретные», «весьма секретные» и «конфиденциальные» донесения, предписания и отношения сделаются общим достоянием. В настоящий момент мы волей-неволей вынуждены довольствоваться официальными релициями (в которых многое опущено, многое подчеркнуто – сообразно условиям военного времени) и частными источниками.

В числе последних лично для меня является, вполне естественно, самым достоверным мой дневник, который я вел непрерывно со дня отъезда из Петербурга, 16 января 1904 г., и до возвращения туда же 6 декабря 1905 г. В него записаны все факты, которых я был непосредственным свидетелем, равно как и рассказы очевидцев, переданные под первым, свежим впечатлением только что совершившегося события. Не одни только факты, но и отношение к ним окружающих заботливо отмечались мною. Теперь я хочу на основании этих моих заметок попытаться рассказать читателю не историю войны, но историю людей, принимавших в ней участие. Я хочу, насколько сумею, с фотографической точностью воссоздать те настроения, которые владели нами, рассказать без утайки о тех надеждах и сомнениях, которые нас волновали, о тех разочарованиях и тех ударах, которые довелось пережить...

Впечатление, вынесенное мною за первые дни моего пребывания в Порт-Артуре, было весьма странное... Казалось, только что совершившиеся грозные события не слишком занимали общественное мнение: чувствовалось, что все живут под гнетом страха, но не за судьбу эскадры или крепости, а за свою собственную, и притом не в смысле покушения на жизнь и достояние со стороны врага, а в смысле... благорасположения начальства.

Как-то еще обернется дело? Кто окажется виноватым? Не влететь бы в грязную историю?.. Эти вопросы, видимо, мучили всех – и высоких, и малых чинов.

Надо заметить, что население Порт-Артура составляли почти исключительно либо люди, находившиеся в непосредственных сношениях с казной, благосостояние которых всецело зависело от настроения начальства, либо служащие. Все либо отмалчивались, либо отговаривались незнанием, либо внезапно вспоминали неотложное дело, не позволяющее продолжать беседу. Ведь излагая факты, надо же было осветить их с той или иной точки зрения... а это было «крайне опасно»!.. Видимо, из опыта прежних лет всякий знал, что смелый отзыв, самостоятельное суждение – немедленно, неисповедимыми путями достигнут туда, куда следует, и неосторожный (часто недоумевая – в чем дело) вдруг почувствует на себе карающую руку... Это не было проявлением суровой дисциплины, как утверждали некоторые: ведь дисциплина – это есть сознательное подчинение закону всех, от самого старшего до самого младшего «не только за страх, но и за совесть», а здесь был только страх, страх перед всемогущим, безответственным начальством...

Зато как развязались языки, когда известие о назначении адмирала Макарова (сколько ни старались сохранить его в секрете) разнеслось по городу!.. И здесь ярче всего сказалась цена этой дисциплины «токмо за страх». Уж я-то никоим образом не мог бы быть причислен к поклонникам наместника, но и меня не раз корбило «ослиное копыто», проглядывавшее в смелых речах вчерашних «всепреданнейших»...

Эскадра Тихого океана, на которой я провел почти всю мою службу, не являлась для меня понятием отвлеченным или просто сборищем судов, – нет, это было живое, дорогое, близкое, проникнутое единым духом существо, с которым я сроднился, которое горячо полюбил. Отправляясь на Восток, мне всегда казалось, что я еду «домой». Я был участником жизни этой эскадры, когда, если можно так выразиться, она была еще в детском возрасте, а за последнее плавание, продолжавшееся пять лет, был свидетелем расцвета ее сил во времена командования Дубасова и Гильтебрандта... Мне не пришлось наблюдать ее последнего упадка – я видел только ее гибель.

«Но неужели же за три года моего отсутствия, – спрашивал я себя, – могла совершиться такая перемена? Могла погибнуть, разложиться на составные элементы такая стройная, могучая организация?..»

Живя в Кронштадте, я, конечно, знал об учреждении в Тихом океане вооруженного резерва, о сокращении кредитов на плавание, вследствие чего корабли, даже избегнувшие резерва, плавали не больше 20 дней в году¹⁹, а остальное время изображали собою плавучие казармы; знал также о постоянных переводах и перемещениях офицеров, но вера в «эскадру» оставалась во мне непоколебимой.

«Это временное, – думалось мне. – Внешние причины создали некоторое расстройство, и стоит им исчезнуть, чтобы порядок восстановился. Подойдет война, и «гастролеры» отхлынут; офицеры поспешат вернуться на «свои» корабли, и эскадра заживет полной жизнью».

Я так хорошо помнил, так сроднился с этим культом «своего» корабля, господствовавшим на эскадре. Я знал лейтенанта, пробывшего уже три года в чине, но за отсутствием естественного, домашнего, движения все еще остававшегося вахтенным офицером (по сухопутному – субалтерн-офицер) и упорно отказывавшегося от назначения вахтенным начальником потому, что такое повышение неизбежно обуславливало перевод с «нашего «Нахимова» на «какой-то «Корнилов»; знал другого лейтенанта, бывшего офицером уже 15 лет, который, состоя старшим артиллеристом на броненосце внутреннего плавания и узнав, что «его «Донской», недавно вернувшийся из Тихого океана, внезапно опять отправляется туда, бросился просить по начальству и был счастлив, добившись назначения на «свой» крейсер на должность вахтенного начальника (на содержание вдвое меньшее)... Я мог бы привести еще много подобных примеров, но думаю, что и этих достаточно.

Я помнил запальчивую молодежь, всегда готовую, с оружием в руках, потребовать удовлетворения за непочтительный отзыв о «своем» корабле, и разыгрывавшиеся на той же почве драки под гулявших на берегу матросов, решавших вопросы чести «своего» корабля более простым и грубым способом...

Да не подумает читатель, что это было своего рода бретерство.

Совсем нет.

Такое настроение наиболее впечатлительных элементов вполне естественно вытекало из убеждения, что если каждый отдает всю свою заботу, всю энергию на службу «своему» кораблю, то он, этот корабль, не может не быть самым лучшим! Ведь за каждым маневром, за каждой работой, на каждом общем учении сотни ревнивых глаз следили за своими соседями, и, сохрани Бог, если дружный хор этих строгих и опытных критиков уличал кого-нибудь в том, что они «показывают Петрушку»... На почве этого соревнования кораблей вырос «культ эскадры», в которой каждый корабль стремился быть лучшим ее украшением. Боже мой, как ревниво следили (по приказам, отчетам и корреспонденциям) за тем, что делается в других морях! Как стремились к первенству в боевом отношении, перед всякими другими эскадрами, отрядами!..

¹⁹ Начиная с 1902 г. большие корабли эскадры Тихого океана четыре месяца в году стояли в портах в так называемом вооруженном резерве – в 12-часовой готовности к выходу в море, а остальные восемь месяцев находились в кампании. Ежегодная наплаванность броненосцев и крейсеров эскадры была выше, чем таких же кораблей японского флота. Сравнительно редкими у русских были эскадренные (совместные) плавания.

Адмирал Евгений Иванович Алексеев – наместник на Дальнем Востоке и главнокомандующий русских войск в Порт-Артуре и Маньчжурии

Помню, как, проплавав три года старшим штурманом на «Донском», я получил предложение адмирала Дубасова вступить в его штаб старшим флаг-офицером. Вышло это совсем неожиданно и так меня поразило, что я попросил сутки на размышление и, вернувшись «домой», стал советоваться с командиром, старшим офицером и старожилами кают компании: «Как быть? Можно ли бросить крейсер? Не будет ли это изменой?» Судили, рядили и пришли к заключению, что отказываться нельзя, что это не перевод на другой корабль, хотя бы и с повышением (что было бы некорректно по отношению к «своему» кораблю), но переход на службу всей «нашей» эскадре, в которой «Донской», хотя и самый лучший, но все же только один из многих...

Все это я помнил. И вот почему не колебалась моя вера в «эскадру». Я верил, что жив дух ее. Я не знал, что за эти три года, проведенные мною в Кронштадте, там, далеко, под Золотой горой Порт-Артура, делалось (может быть, бессознательно) все возможное к тому, чтобы угасить этот дух... что там командир, который действительно берег и любил свой корабль, который не скрывал никакой, хотя бы самой ничтожной, неисправности, докладывал о ней, просил разрешения ее исправить, так как с течением времени эта мелочь могла перейти в крупное повреждение, – такой командир считался «неудобным» и «беспокойным»...

Наместнику надо было только одно: чтобы за время его владычества не было других донесений, кроме – «все обстоит благополучно», – на основании которых сам он имел бы право всеподданнейше доносить, что «вверенный ему флот неизменно пребывает в полной боевой готовности и смело отразит всякое покушение со стороны дерзкого врага»²⁰.

Кто не умел или (что еще хуже) не хотел проникнуться этим принципом, осмеливался думать, что служит не наместнику Его Величества, а самому Государю Императору, что наместнику он – только подчиненный и лишь Государю – верноподданный, что пред лицом Верховного Вождя и командующий флотом, и матрос 2-й статьи – одинаково слуги Престола и Отечества, ревность и преданность которых одинаково ценятся, вне зависимости от их иерархического положения, – те не в чести были...

Надо отдать полную справедливость: адмирал Алексеев, облеченный почти самодержавной властью, сумел достигнуть своей цели: близ него были исключительно если не «всеподданнейшие», то, по крайней мере, «всепреданнейшие»... О plebs'e²¹, конечно, и думать не стоило – ему нужны только ежовые рукавицы, а что касается тех, которые были не близко и не далеко, т. е. в массе офицерства, – в среде их, путем постоянных переводов с корабля на корабль, систематически вытравливался всякий дух сплоченности, единения, внедрялась идея, что при благосклонности начальства, «числясь» на портовом пароходе, можно идти по службе много шибче, чем ревностно исполняя свои обязанности на боевом корабле.

Теперь – ни в порту, ни в клубе, ни даже в эскадре – нигде не приходилось слышать разговоров на старую, дорогую тему – «А вот у нас на корабле...» или «У нас, на эскадре...».

Все интересы сосредоточивались на успешном прохождении службы. Говорили о том, «кому подвезло», соображали насчет открывающихся вакансий, где больше содержания, какое место больше «на виду» у начальства... Правда, иногда раздавалось: «У нас в Артуре...». Но как обидно было слушать такие слова в разговоре морских офицеров, для которых, по образному определению адмирала Макарова, должно было бы считаться основой служебной этики: «В море – значит дома...». Превращение кораблей в плавающие казармы, видимо, удалось выполнить с блестящим успехом...

Я был поражен... Мне было так обидно видеть этот раз гром личного состава «нашей» эскадры... Лишь кое-где, на некоторых судах, как будто сохранились еще отблески старых традиций...

Но я надеялся и, кажется, не ошибся, что стоит только стряхнуть внешний гнет, и ярким пламенем вырвется на свободу «дух эскадры», в течение трех лет старательно прикрывавшийся золой и пеплом... Признаки были... «Верхи» еще хранили величавое, почти могильное, без-

²⁰ До войны адмирал Е. И. Алексеев, выступавший против вооруженного резерва, многократно докладывал в С.-Петербурге о необходимости усиления эскадры, снабжения ее боеприпасами и углем, оборудования портов, а также тщетно просил устранить хронический некомплект офицеров, порождавший частые их перемещения с корабля на корабль. Изучение документов показывает, что наместник, в отличие от высших руководителей Морского ведомства – адмиралов великого князя Алексея Александровича, П. П. Тыртова, Ф. К. Авелана и З. П. Рожественского, верно оценивал реальную угрозу войны с Японией. Опоздание в мобилизации армии и флота на Дальнем Востоке и полумеры в обеспечении безопасности эскадры от внезапного нападения во многом объяснялись распоряжениями официального С.-Петербурга. Ответственность за эти распоряжения, наряду с высшим командованием российского флота, несли руководители Министерства иностранных дел и Особый комитет по делам Дальнего Востока, во главе которого стоял сам император Николай II.

²¹ Простонародье (лат). – Примеч. ред.

молвие; канцелярии работали заведенным порядком, словно ничего особенного не случилось, а по низу, словно подземный пожар по сухому застоявшемуся бору, уже неслась радостная весть: «Макаров выехал из Петербурга».

Но возвращаюсь к моему рассказу.

Разумеется, больше всего меня интересовала достоверность ходивших по городу слухов о недавних событиях, тех слухов, которые еще в Харбине сообщали нам артурские беглецы и которые они несомненно развезли по всей России...

– Правда ли, – спрашивал я, – что эскадра проявила беспечность прямо... непонятную? Что она стояла на внешнем рейде со всеми огнями, без паров, без сетей, без охранных и сторожевых судов? Что в самый момент атаки не только многие офицеры и командиры, но даже сам адмирал находились на берегу, праздная день ангела М. И. Старка?

– Прежде всего, признайте, что личный состав «Ангары» (беседа происходила на «Ангаре» с одним из новых сослуживцев) – по существу дела, самый беспристрастный свидетель всего происшедшего. В эскадре мы состоим без году неделя, не связаны с ней никакими традициями, никакой привычкой долгой совместной службы, даже наоборот – можем считать себя обиженными, так как попали вместо боевого судна на вооруженный пароход... Так вот, я Вам отвечу категорически: первая часть вашего вопроса – горькая истина, но с оговоркой, что не эскадра виновата в проявленной беспечности, которую Вы мягко назвали непонятной, а я прямо назову – преступной!» Что касается второй части, то это сплетня, пущенная с явной целью взвалить всю ответственность за происшедшее на адмирала Старка. Не знаю, может быть, в тот момент так нужно было... Ведь, после первого ошеломляющего впечатления по городу, по крепости уже пронеслось роковое слово «измена»... А если бы оно вырвалось криком?.. – Подумать страшно!..

Наш старик выдержал тяжелую марку, но оказался на высоте – не поддавался искушению всенародно оправдаться во взводимых на него обвинениях, так как, Бог весть, чем бы могло это кончиться... Не обнародовал своего знаменитого «документа», который был у него в кармане... Он только напомнил о нем, кому следует, – и тотчас же все достоверные лжесвидетели и без лести преданные клеветники заткнули фонтан своего красноречия. Очевидно – приказали молчать... – Тут, батенька, древним римлянином пахнет! – *Pereat mea gloria, vivat patria!*²² Впрочем, в латыни я слаб... Однако же, судите сами, скажи он тогда: «Мне не позволяли стоять по-боевому. Вот доказательство!» – может быть, на другой день от дворца наместника не осталось бы и камня на камне...

– Значит – неправда?

Мой собеседник досадливо передернул плечами и резко, отчеканивая каждое слово, продолжал:

– С того момента, как эскадра встала по диспозиции на внешнем рейде, приказано было раз навсегда, чтобы к заходу солнца, к 5 ч дня, весь личный состав был на своих судах, и сообщение с берегом прекращалось вплоть до рассвета. Это было единственное распоряжение, в смысле мер предосторожности, которое начальник эскадры мог отдать своей властью, не спрашивая разрешения наместника. И это приказание в точности выполнялось. Особенно 26 января! Еще бы!.. – Ведь все мы видели, как пришел пароход с японским консулом из Чифу, чтобы забрать и увезти из Артура японских подданных. Мы видели, как он стоял на якоре, чуть что не посреди эскадры, как он торопился уйти засветло. Кому же не было ясно, что это – война! Или Вы думаете, что мы этого не понимали?! Да разве, если бы вся эскадра не была начеку, подхватили бы так быстро, по всем судам, боевую тревогу? Разве могли бы мы так дешево отделаться?!.

²² Пусть погибнет моя слава, но живет Отечество! (лат.) – Примеч. ред.

Ко времени этого разговора из Чифу уже были получены (из частных, но достоверных источников) сведения, что на пароходе, приходившем в Порт-Артур 26 января, кроме консула находился еще и неофициальный японский морской агент, проживавший в Чифу уже много лет. Говорили даже, что в Порт-Артуре он съезжал на берег под видом консульского слуги. Пароход, имевший за время стоянки полную возможность совершенно точно нанести на карту диспозицию эскадры, выйдя в море, встретил на условленном randevу японскую эскадру и передал на нее мнимого лакея, конечно, со всеми собранными им последними известиями²³.

Большую услугу оказало японцам также «учение отражения минной атаки», назначенное в ночь на 27 января, для чего в море были высланы 4 наших миноносца.

Хотя это несвоевременное учение (неизвестно, по чьей инициативе) было отменено и миноносцам было приказано идти на ночь в Дальний²⁴, но последнее распоряжение на эскадре известно не было, и когда в одиннадцатом часу вечера показались с моря миноносцы, идущие со всеми огнями, их, весьма естественно, приняли за свои. Утверждают даже, хотя факт этот не удостоверен, что один из миноносцев совершенно правильно показывал позывные сигналы «Стережущего» – одного из наших отсутствовавших... Только глухие удары минных взрывов и звуки боевой тревоги на поврежденных судах рассеяли сомнения...

– Но пары? Сети? Огни? Сторожевые и охранные суда? – спрашивал я...

– Ах, что Вы говорите! Точно не знаете! Разве это мог приказать начальник эскадры? Надо было разрешение наместника!

– Отчего же не спросили, не настаивали?

– Не просили!.. Сколько раз просили, и не на словах только – адмирал рапорт подал!.. А на рапорте зеленым карандашом резолюция – «Преждевременно»... Теперь объясняют разное: одни говорят, будто боялись, что наши воинственные приготовления могут быть приняты за вызов и ускорить наступление разрыва, а другие – будто на 27-е предполагалось торжественное объявление состоявшегося отозвания посланников, молебствие, парад, призыв стать грудью и т. д. Только вот – японцы поторопились на один день...

– Ну, а впечатление, которое произвела атака? Настроение на эскадре?

– Что ж... Впечатление? – Впечатление, конечно, тяжелое, но паники не было. Факт налицо – все остальные атаки удачно отбили... Потери, повреждения не сразу выяснились. «Ретвизан» только сел носом, «Паллада» – кормой. Ночь, темно – даже заметить трудно. Вот, когда «Цесаревич», повалившись на бок, крен 18°, шел в гавань – жутко было... Думали, вот-вот перевернется. А настроение?.. Да, что! – внезапно воодушевляясь, заговорил он, – когда после первой, внезапной атаки японцы скрылись, пальба стихла, но угар еще не прошел, наш добродушный толстяк З. повернулся к Золотой горе и со слезами, но и с ярой злобой в голосе закричал, грозя кулаками: – Дождались! Непогрешимые, всепресвятейшие!.. и т. д. (приводить в печати неудобно). Вот, это и было настроение... думаю, общее.

– Ну, а 27-го?

– Тоже какая-то дрянь вышла... Понятно, что сейчас же после атаки, даже не ожидая сигнала, все начинали разводить пары. Подбитые суда немедленно пошли в гавань, да в потемках, плохо слушаясь руля из-за пробоин, никто не попал, куда хотел. Все трое, рядышком, выкатили на отмель Тигрового Хвоста под самым маяком. На другой день «Цесаревич» и «Палладу» сняли, отвели внутрь, а «Ретвизан» так и сидит до сих пор: у него пробоина в носу, и через нее, по системе вентиляционных труб, одобренной Техническим комитетом, вода медленно, но верно, сплющивая какие-то специально изобретенные шаровые клапаны, распространяется

²³ Пароход, вышедший 26 января 1904 г. из Порт-Артура с японскими гражданами, в числе которых действительно было много шпионов, встретился с главными силами японского Соединенного флота утром 27 января. Следовательно, вице-адмирал Х. Того не мог воспользоваться «последними известиями» для наведения своих истребителей (эсминцев), атака которых к этому времени уже состоялась.

²⁴ Факт посылки в море четырех миноносцев в ночь на 27 января 1904 г. не подтверждается официальными документами.

по всему броненосцу. Изолировать пробойну невозможно. Надо ее, хоть временно, заделать, а без этого – слава Богу, что сидит на мели!..

Ну, так вот: стоит под парами. Перед рассветом, когда закончились атаки миноносцев, послали крейсера на разведку. Первым возвращается «Боярин», держит сигнал: «Видел приближающегося неприятеля». Немного погодя полным ходом, уже в перестрелке с нападающими крейсерами японцев, идет «Аскольд» и сигнализирует: «Неприятель наступает в больших силах». А мы – стоим на якоре в трех колоннах, и наша «Ангара» совсем на отлете, самым восточным кораблем южной линии. Наконец – без всяких сигналов, своими глазами видим – появляется на горизонте весь японский флот. А мы – все стоим... Видите ли: с утра начальник эскадры был вызван к наместнику для получения инструкций и еще не возвратился. Это мы уже после узнали, а тогда... понимаете – так и подмывает! Так и дергает!..

– Как же, не доложили, не послали сказать?..

– Не доложили! Не послали сказать! Ха-ха-ха!.. – желчно рассмеялся мой собеседник. – Да Вы забыли что ли? Ведь Золотая гора первой принимает все сигналы, и горизонт у нее много больше, чем у судов, стоящих на рейде! А с Золотой горы – телефон прямо во дворец к наместнику!.. Должно быть, все совещались, находили, что еще «преждевременно»!.. Впрочем – как знать, чего не знаешь?.. Словом, флаг-капитан, видя, что неприятель откроет огонь, сделал сигнал: «Сняться с якоря, быть в строе кильватера» – сам, не дождавшись возвращения адмирала, который догнал «Петропавловск» на катере и высадился на него уже на ходу. Боя настоящего не было. Правильнее сказать – перестрелка. Хорошо стреляют, первые их два снаряда так и легли, оба у самого борта «Петропавловска»... Нарвались на Электрический утес. Еще 10-дюймовую батарею успели изготовить. С возвышенного берега, да с крепостным дальномером!.. Кажется, им здорово влетело! 40 минут постреляли и заторопились домой! У нас – азарт, подъем духа! Сигнал: «Преследовать неприятеля!» «Аскольд», «Новик» – наши скороходы – уже бросились вперед, в первую голову... Вдруг – на Золотой горе поднимают «ферт»²⁵... Вернулись... Потом все, в порядке постепенности, вошли в гавань. И вот – стоим...

Я слушал и хотел бы не верить...

«Ангара» тоже принимала участие в бою. Конечно, ввиду большой дистанции, вряд ли она нанесла неприятелю какой-нибудь урон своими 120-мм пушками, хотя сама порядочно потерпела. Были убитые и раненые; был критический момент, когда оказался перебитым рулевой привод, и некоторое время пришлось управляться машинами; большая часть шлюпок левого борта превратилась в решето; трубы, вентиляторы пестрели мелкими пробоинами... но все от осколков снарядов, рвавшихся о воду, близ борта. Единственный (зато 12-дюймовый) снаряд, попавший в пароход, на счастье не разорвался: пробив борт, палубу, несколько переборок, он залетел в каюту первого класса, разрушил койку и мирно опочил в ее пружинном матрасе... Похоже на анекдот, но правда...

Я лично не слишком верил в обещанную крейсерскую службу «Ангары». Ведь *настоящие* крейсера, на моих глазах, стояли без всякого дела.

«Беречь суда! Отнюдь не рисковать!» – этот лозунг, с которым я недавно познакомился, вряд ли был принят младшим флагманом самостоятельно. Вероятно, он был дан «свыше»... Конечно, эти пессимистические размышления я хранил про себя и не только их не высказывал, но еще всеми мерами пытался подбодрить личный состав и привлечь его к дружной работе по подготовке «Ангары» к ее будущей деятельности. А работы было немало.

«Ангара» (бывшая «Москва») – один из лучших пароходов Добровольного флота – была принята под военный флаг перед самой войной. На нее поставили артиллерию (шесть 120-мм и восемь 75-мм пушек), грузовые трюмы засыпали углем, назначили сборную команду с разных судов, переименовали название – и вспомогательный крейсер был готов.

²⁵ «Ферт», т. е. флаг, соответствующий букве «Ф», означает «Предыдущий сигнал отменяется». – Примеч. авт.

Организация судовой жизни, все эти непонятные непосвященным «расписания», в которых на всякий случай и во всякой обстановке каждому человеку указаны его место и обязанности сообразно его званию и специальности, находились в зачаточном состоянии. Сверх того, необходимо было озаботиться, с теми средствами, какие были под руками, блиндировать (прикрыть хотя бы от осколков) наиболее жизненные и нежные части, как-то: приборы для управления рулем и машинами, пожарные трубы и т. д.

Главное же – надо было до крайних пределов уменьшить количество дерева и вообще горючих материалов. «Ангара», т. е. «Москва», с ее роскошной отделкой пассажирского парохода представляла собою настоящий плавающий костер. Счастье было, что 27 января 12-дюймовый снаряд, угодивший в каюту I класса, не разорвался, – тут было бы где разгуляться пожару!..

В моих хлопотах я встретил неожиданное, хотя чисто формальное препятствие со стороны командира: надо было спросить разрешения наместника. Оказывается, за несколько дней до начала военных действий он посетил «Ангару» и наметил ее как яхту-крейсер, предназначенную для него и его штаба в случае необходимости проследовать куда-нибудь. Принимая во внимание, что в военное время штаб наместника достигал 93 человек (адмиралов, генералов, штаб- и обер-офицеров и чиновников), действительно, «Ангара» являлась для этой цели кораблем, наиболее подходящим... Первоначально предполагалось даже совершенно закрыть все помещения I класса и держать их в полной неприкосновенности для будущего высокого назначения, а командира и офицеров поселить в скромных каютах судового состава.

Впоследствии, когда выяснилось, что эти каюты необходимы для помещения в них кондукторов, устройства канцелярии и малых складов тех артиллерийских минных и шкиперских материалов, которые нужно всегда иметь под руками, последовало разрешение командиру и офицерам пользоваться некоторыми помещениями I класса, но с наказом: «ничего не испортить».

– Что ж это? – ворчали иные, – или думают, что мы никогда не ездили на пароходах в I классе? Боятся, что перебьем зеркала и мебель переломаем?..

Когда передо мною открыли запертые салоны promenade decka²⁶ и cabines de luxe²⁷, я прямо ахнул: они были битком набиты креслами, стульями, легкими диванами, столами, стульями... Тут же возвышались груды ковров, занавесок...

– Как можно? Ведь это – готовый костер.

– Приказано было, – пояснил сопровождающий меня ревизор, – для сохранности, на случай поездки наместника и его штаба...

На меня вдруг пахнуло чем-то далеким, полузабытым... Почему-то вспомнилась гимназия, учебник истории Иловайского и захваченные на поле Марафонской битвы цепи, которые Ксеркс, царь персидский, предусмотрительно заготовил для греков, имеющих быть пленными...

Что касается других работ, в которых требовалось содействие порта, то... каждый любитель строго заведенного порядка несомненно пришел бы в восторг от стойкости портовых учреждений Артура!.. Гроза войны как будто вовсе их не коснулась. Как и прежде, от момента подачи рапорта командиром судна, просившим о чем-нибудь неотложном, насущно необходимом, и до момента дачи соответственного «наряда» терялось 8—10 дней на выполнение «портовых формальностей»²⁸... Господствовало такое настроение, словно не Россия воевала с Японией, а подрались между собой какие-то южноамериканские республики...

²⁶ Прогулочные палубы (англ.). – Примеч. ред.

²⁷ Каюты «люкс» (фр.) – Примеч. ред.

²⁸ Бедственная для моряков волокита с «портовыми формальностями» объяснялась господством принципа «флот для тыла», а не «тыл для флота», каковым следовало бы руководствоваться согласно здравому смыслу. К сожалению, развитая «береговая бюрократия» успешно боролась с интересами плавающего состава на протяжении большей части истории российского флота. Отчасти эти «успехи» объяснялись хроническим отставанием средств тылового обеспечения от реаль-

Не скрою, был один способ обойти канцелярскую волокиту, способ, практиковавшийся одинаково успешно и в мирное время и не имевший к войне никакого отношения – просьба «по старому знакомству». Мне, как старожилу эскадры, участнику занятия Артура и лицу, прикосновенному к учреждению нарождавшегося порта, довелось в этом отношении оказать несколько мелких услуг «Ангаре» по просьбам механика, артиллериста и ревизора...

Помню, однажды, встав вместе с командой в 5 ч утра, набегавшись по пароходу до ломоты в коленях, я позавтракал и только что собирался лечь, заснуть на время отдыха (до 2 ч дня), когда ко мне в каюту постучался механик.

– В чем дело?

– Простите, что беспокою, но Вы сами все торопите заделкой пробоин в непроницаемых переборках... До зарезу нужно! Уж три дня, как подан рапорт, – и никакого толку! Ведь Н. Н. – Ваш старый знакомый? Это в его власти. Не откажите – съездите, замолвите словечко! Не для себя прошу!..

Разочарованный в мечтах об отдыхе, посылая все и всех к черту (механик отнюдь не принимал на свой счет и не обижался), собрался и поехал.

С двух-трех слов дело наладилось. Пока вестовые и рассыльные бегали с какими-то срочными записками, я, усталый, недовольный, присел к письменному столу приятеля, закурил папиросу и не удержался, чтобы не поворчать.

– Неужто у вас нет какого-нибудь особого, военного положения? Так и тянете вашу проклятую канитель?!

– Государь мой, не богохульствуйте! – старый приятель поднял руку, как для присяги. – Небо и земля – пройдут, а отчетность не пройдет!

– Полноте балаганить! Хлопнет 12-дюймовый снаряд в вашу отчетность – и нет ее; хлопнет в склад – и нет склада!

– Исполать им! Чего лучше такого оправдательного документа, как дыра от 12-дюймового! А пока такого не имеется, пожалуйста требуемый законом!

– Однако же Вы сейчас распорядились и без документа...

– Это совсем другое дело! Это – уважение хорошему человеку! Вы мне сказали: что, как, почему. Я Вам верю и вижу, что документ обеспечен, все равно что в кармане... А без этого... ни-ни!

– Так что, будь я не я, не дали бы?

– Пока требование не прошло бы все подлежащие инстанции, ни в каком разе!

– Да если нужно! Понимаете: по условиям военного времени нужно! – горячился я...

– Порядок требований сверх штата ясно определен...

– Вы меня просто травите!..

– Совсем нет, и не злитесь – печенке вредно! – смеялся приятель. – Да, что! – вдруг вскочил он. – Вот Вам пример! Старка чуть под суд не отдали! Чуть не утопили! А выплыл! Почему? Знаете: он рапорт подавал о необходимости мер предосторожности?.. Так вот рассказывают, что как раз 26 января заходит он в штаб и спрашивает: «А что мой рапорт?» – Ему показывают. На рапорте резолюция: «Преждевременно». Он его взял... и в карман. Ему так и сяк, говорят: «Следовало бы пришить к делу». А он: «Чего же, – говорит, – если отказано»... и ушел. Тогда-то на это и внимания особенного не обратили, а как пришла беда, да повели дело к тому, что он, дескать, во всем виноват, – так он только похлопал себя по карману... «Хотите, мол, покажу бумажку кому следует?..» То-то и есть!.. Нет, голубчик! Бумажка – святое дело! На словах только в любви объясняются! Есть бумажка – чист, как голубь. Нет ее – пропал, как швед под Полтавой!..

– Какой цинизм!.. А долг службы? Долг перед Родиной?.. Послушать Вас... прямо – тошно!..

– Эх, вы!.. Знаете сказочку? Жил-был маленький мальчик, жил долго, вырос, состарился, а все еще верил, что папа и мама своих детей либо под капустными листьями находят, либо их аисты приносят в нарядных корзиночках... Ну, до свидания! Когда что нужно будет по моей части – приходите прямо ко мне.

9 февраля закончено было исправление «Новика». Его вывели из дока и вместо него ввели «Палладу». По поводу результатов взрыва на этой последней доктора рассказывали весьма любопытные вещи. Люди, находившиеся в помещениях, куда проникли газы от взрыва мины, оказались отравленными. Отравление обнаружилось лишь на второй день, причем пострадавшие обратились к медицинской помощи, жалуясь якобы на простуду: «Грудь заложило! Насморк – не прочихнешь!..» – На деле же гнойное воспаление носоглоточного пространства и бронхов. Как говорил для наглядности один из молодых докторов: «Что-то похожее на сап...» Из девяти человек четверо умерли и очень тяжело. Ясно, что в mine был не пироксилин, а что-то новое – мелинит, лиддит, шимоза – кто их знает...

– Запомните, господа, после взрыва снаряда или взрыва мины вблизи вас старайтесь не дышать, задерживайте дыхание, пока не пронесет газов! – поучал нас совсем юный эскулап «Ангары»...

«Ретвизан» и «Цесаревич» не влезали в существующий док (новый док был еще в зачаточном состоянии), а потому их надеялись починить при посредстве кессонов. Может быть, читатели не знают, что такое представляет собою подобный кессон? Попытаюсь вкратце дать его описание.

Строится (где-нибудь на берегу) огромный ящик, у которого две стороны из шести остаются открытыми, а именно: открыты верх и та сторона, которая будет прилегать к поврежденной части корабля, причем линии срезов боковых стенок и днища должны в точности соответствовать обводам корпуса близ пробойны. Когда подобное сооружение, затопив его предварительно схемными грузами, подведут и приладят к борту корабля вплотную, то, при выкачивании воды из затопленных отделений, внешнее давление так его прижмет к борту, что не оторвешь никакими силами. Получается как бы второй, извне надстроенный, борт корабля. Между ним и настоящим, пробитым, бортом оказывается осушенное от воды пространство и свободный выход наверх, так как внешние и боковые стенки кессона строятся с расчетом, чтобы верхний край их был на несколько футов выше уровня воды. Дальнейшие работы производятся так же, как в доке, хотя, конечно, не с такими удобствами.

Постройка кессона для «Ретвизана», получившего пробойну в носовой части, где борт почти «прямостенный», не представляла особых затруднений, зато относительно «Цесаревича» многие, даже специалисты, сильно сомневались. Мало того, что самый обвод борта в корме чрезвычайно сложен, оказывалось необходимым пропустить сквозь кессон вал гребного винта. Это был камень преткновения: малейшая ошибка, какой-нибудь дюйм в обводе кессона или несколько дюймов вправо или влево при его установке могли повлечь за собой погнутие гребного вала, а тогда... прощай, броненосец!..

Большие надежды возлагались на ехавшего в Артур вместе с Макаровым корабельного инженера К.²⁹ и сопровождавших его мастеровых Балтийского завода. В общем, как я уже говорил выше, во всяком затруднительном случае все утешались одной и той же спасительной мыслью: «Вот приедет Макаров!..»

Того же 9 февраля «Аскольд» и «Баян» ходили в море, но скоро вернулись. Какое поручение было на них возложено – осталось мне неизвестным. Неприятеля они не видели. 10 фев-

²⁹ «Корабельный инженер К.» – старший помощник судостроителя Н. Н. Кутейников.

раля «Амур» ходил ставить минное заграждение в бухте западного берега Квантуна. Вернулся благополучно. Погода великолепная – штиль, ясно, сухо, греет яркое солнце.

В ночь на 11 февраля, набегавшись за день, я спал сном праведника, когда в 2 ч 40 мин пополудни был разбужен глухими ударами пушечных выстрелов. Выбежал наверх. От нас – с возвышенного мостика «Ангары» – через низменную косу Тигрового Хвоста был хорошо виден «Ретвизан», стоявший на мели у северного склона Маячной горы. Он светил боевыми фонарями и стрелял, но только из орудий средних и крупных калибров. Пальба велась с перерывами, как-то неуверенно. Видно было, как крепостные прожекторы своими лучами словно что-то искали в море. На окрестных батареях, обращенных к нам тылом, двигались взад и вперед светящиеся точки – должно быть, бегали люди с фонарями, готовились к бою, но батареи молчали. С моря ответных выстрелов не было. Мы – офицерский состав «Ангары», собравшийся на ее мостике, – никак не могли понять, в чем дело: если приближалась японская эскадра, несомненно открыли бы огонь и батареи берегового фронта; если шла минная атака – не молчала бы мелкая скорострельная артиллерия «Ретвизана»...

Морозная ночь была поразительно тиха. В промежутках между выстрелами воцарялось какое-то жуткое безмолвие. Чувствовалось, что все, и в городе, и на эскадре, затаив дыхание, жадно ловят каждый звук, который мог бы дать ключ к разгадке завязавшейся трагедии.

– ...Немедленно! Башня! Немедленно! – доносился вдруг с «Ретвизана» резкий, каждое слово отчеканивавший голос...

– ...Спишь у третьего номера? Не своди с прицела! Фазан иркутский!.. и т. д. (в печати повторять неудобно) – прорвал внезапно наступившую тишину сочный бас с вершины первой горы Тигрового полуострова...

Нервы у всех были так натянуты, внимание так напряжено, что эти отрывочные фразы, долетавшие до нас в краткие моменты затишья, казались такими забавными... Нервный смех пробегал и по мостику, где собрались офицеры, и вдоль борта, усеянного незримой во тьме толпой команды...

– А Щ.³⁰ и в бою не забыл своего «немедленно!» Богатый лексикон у нашего соседа! – Каково? Что на Тигровом! – Ловко загнул! Верно, сибиряк! У них этак-то на почтовом тракте! – Тут и там слышались сдержанные восклицания...

Пальба то стихала, то разгоралась с новой силой...

Так прошло больше часу...

Вдруг с внешней стороны Золотой горы блеснула зеленовато-золотистая молния... все сразу догадались – 10-дюймовка Электрического утеса!.. Заговорили 6-дюймовки Канэ на батарее «соседа», а затем подхватила и вся линия берегового фронта... «Ретвизан», опоясанный непрерывно мелькающими огнями выстрелов, казался каким-то вулканом... А оттуда – никакого ответа...

Было начало пятого часа утра.

– Что такое?..

Среди гула канонады явственно послышался сухой треск ружейных залпов и рокот пулеметов.

– Высадка? Атака открытой силой?..

Кто мог ответить на эти вопросы?..

Вот из Восточного бассейна донеслись звуки горна, игравшего «боевую тревогу», немедленно подхваченную на всех судах эскадры...

Кому не приходилось самому, в боевой обстановке, слышать, как одновременно на десятках кораблей горнисты, под аккомпанемент глухого рокота барабанов, играют тревогу, тот вряд ли поймет меня, а передать разумной человеческой речью это впечатление – невозможно!..

³⁰ «Щ.» – командир эскадренного броненосца «Ретвизан» капитан 1 ранга Э. Н. Щенснович.

Недаром горн сохранился у нас еще со времен Петра Великого... Есть что-то особенно кровавое, что-то зверское, затемняющее рассудок в этих пронзительных, ухо режущих, звуках и особенно тогда, когда эти звуки не согласованы между собой, когда на каждом столбе играют, не слушая соседей...

Получается какой-то хаос, какая-то чудовищная дисгармония – самая подходящая музыка для того момента, когда человек должен забыть, что он человек, разбудить в себе дремлющего зверя и, как на празднике, броситься на смерть в опьянении жадной истребления всего, что подвернется под руку...

– На всякий случай, приготовьте десант... – приказал командир.

– Десант наверх! – скомандовал я...

Но, видимо, в этот момент вся масса людей, населявшая «Ангару», жила одной жизнью, и приказание явилось только разрешением.

Едва успели боцмана и унтер-офицеры повторить мою команду, как на палубе, торопливо оправляя на себе амуницию, уже строились ряды десантной полуроты; шлюпочные тали были разнесены и «взяты на руку», а гребцы на шлюпках, схватившись за стопора, ждали только знака отдать их и сбросить шлюпки на воду...

Внезапно из-за Маячной горы поднялись густые клубы дыма, озаренные багровым отблеском. Возможно, что был и взрыв, но среди гула канонады никто его не слышал... Зарево увеличивалось с минуты на минуту...

– Очевидно, пожар!.. Но что там может гореть?.. Голый берег...

Общее недоумение еще увеличилось, когда вскоре же после начала пожара артиллерийский огонь стал ослабевать, а к 4 ч 40 мин утра вовсе прекратился.

Чуть забрезжил свет, по всей эскадре замелькали семафорные флажки. Все торопились узнать, что такое разыгралось минувшей ночью.

Получаемые известия были до такой степени неожиданны, что скептики даже не верили им.

Оказывается, в третьем часу ночи лучи прожекторов открыли 4–5 пароходов, шедших с моря, явно в Порт-Артур. Пароходы шли так смело, так уверенно, что поначалу их приняли за ожидаемые транспорты с углем и другими запасами. Первым усомнился и, на всякий случай, открыл огонь «Ретвизан». Ему показалось странным, что пароходы образуют как бы линию фронта, словно собираются все одновременно подойти к узкому входу в Порт-Артур. Коммерческим судам было бы естественнее идти в кильватере, т. е. гуськом, друг за другом, так как в Порт-Артур, особенно ночью, возможно было входить только поодиночке.

Подозрения еще усилились, когда, несмотря на пальбу «Ретвизана», загадочные корабли не только не стали на якорь, не начали подавать тревожных свистков, но упорно продолжали идти вперед. Наконец, когда выскочили скрывавшиеся за ними миноносцы и бросились на «Ретвизан», – всякие сомнения исчезли. Тут-то и началась та бешеная пальба по всей линии, которой мы были свидетелями.

Как сообщали, один из пароходов затонул еще на подходе к рейду, другой попал на камни у горы Белого волка, а третий, подбитый, не выдержал огня и ушел обратно, в море. Наиболее удачно действовали два, шедшие прямо на «Ретвизан». Один из них только немного уклонился вправо и затонул под Золотой горой, другой забрал левее и выскочил на берег у южного склона Маячной горы, не дойдя до «Ретвизана» каких-нибудь 100 саженей. Здесь он загорелся, и его-то пожар и был нам виден.

Вспомогательный крейсер «Ангара», затонувший на внутреннем рейде Порт-Артура. Январь 1905 г.

В кают-компании «Ангары» шли оживленные споры. Несмотря на бессонную ночь, никому и в голову не приходило пойти отдохнуть. Мнения были самые разнообразные.

– Я так думаю, что своих раскатали! У нас это не впервой! Оттого и батареи так долго не открывали огня. В эту ночь, наверно, кого-нибудь поджидали, – заявил один из пессимистов.

– Отчего же они не стали на якорь при первых выстрелах?

– Не очень-то станешь на глубине 35 саженей! Надеялись, что у нас наконец увидят ошибку...

– А миноносцы?..

– Только новое объяснение, почему они так упорно шли вперед, – за ними гнались японские миноносцы... Что ж вы думаете? Брандеры, что ли, были посланы? Ну-ка зажгите современный миноносец! Японцы, поди, не глупее нас...

– Назначение пароходов, как брандеров, могло быть второстепенным. Главное, очевидно, заградить выход из гавани!

– Безумная затея!..

– Однако американцы пытались же заградить этим способом выход из Сант-Яго?

– Пытались – и неудачно³¹!..

Спор прекратился за получением вполне определенного известия, что пароходы несомненно японские. Захватить в плен никого не удалось, так как в последний момент малочисленный экипаж покинул свои суда и на шлюпках, пользуясь темнотой ночи ушел в море, где их ждали миноносцы. Мертвый штиль, отсутствие даже зыби как нельзя лучше благоприятствовали осуществлению такого плана.

³¹ 3 июня 1898 г., во время испано-американской войны, американцы сделали попытку заблокировать корабли адмирала Серверы в бухте Сантьяго-де-Куба. Для этого они ввели во входной фарватер угольный транспорт «Мерримак» водоизмещением около 7000 т, намереваясь затопить его. Однако огнем испанских береговых батарей транспорт был потоплен не в том месте, которое наметили американцы, и фарватер остался свободным. – Примеч. ред.

Из-за Маячной горы все еще подымались густые клубы дыма, а временами, несмотря на дневной свет, видно было и пламя. С разрешения командира я взял паровой катер и поехал взглянуть.

Затея японцев вовсе не показалась мне такой безумной, какой ее признавали некоторые из сослуживцев на «Ангаре». Брандер, выскочивший на берег под Маячной горой, не дойдя до «Ретвизана» каких-нибудь 100 саженей, был пароходом, на глаз, тысячи в четыре тонн. Если бы эта масса врезалась в искалеченный, полузатонувший броненосец, то вряд ли еще осталась бы надежда на его спасение! Если бы даже таранный удар не произвел непосредственно надлежащего эффекта, то во всяком случае одно соседство, борт о борт, этого гигантского костра представляло огромную опасность даже для современного броненосца с его угольными ямами, запасами всяких горючих материалов, а главное – с его артиллерийскими и минными погребами...

Брандер, как рассказывали, не достиг своей цели единственно благодаря счастливой случайности. Обращенный на него ураган огня и железа не затронул ни одной из жизненных частей. Он шел неуклонно, параллельно берегу Тигрового полуострова, держа курс на середину броненосца, осыпавшего его снарядами, но, почти у цели, какой-то шальной снаряд или осколки его перебили цепочки, поддерживавшие на месте левый якорь... Именно: не сорвали якорь с места, не сбили его, а только «отдали»... Якорь «забрал»; брандер бросился носом влево и выскочил на берег... Уголь, наполнявший его трюмы, был смочен керосином, так что в борьбе с огнем вода оказывалась бесполезной. Приходилось засыпать его землей. Тут и там в толще угля были заложены небольшие мины, частые взрывы которых сильно препятствовали успешному ходу тушения пожара. Не обошлось без жертв. В общем, работали, как на вулкане, потому что под слоем угля могла скрываться и какая-нибудь грандиозная мина, только ждавшая своей очереди...

Далеко на горизонте смутно виднелись силуэты трех миноносцев.

Лихо вышел из гавани и промчался мимо меня «Новик», очевидно, посланный прогнать этих соглядатаев. Я не мог проследить за его действиями, так как был отпущен на самый короткий срок и спешил возвратиться на «Ангару».

В 8 ч 30 мин утра из юго-восточной части горизонта появился отряд легких японских крейсеров – «Читозе», «Касаги», «Такасаго» и «Иосино»³².

С самого начала войны эти четыре крейсера, несшие обязанности передового, разведочного отряда японской эскадры, были окрещены в Артуре прозвищем «собачек». Всякому было известно, что если «собачки» пришли, понюхали и ушли прочь – значит, ожидай скорого появления главных сил.

В тот день это правило еще не было установлено, а потому против «собачек», в поддержку «Новику», были высланы в море «Баян» и «Аскольд».

Однако вскоре же их вернули всех троих, так как следом за «собачками» появился японский флот почти в полном составе...

С того места, где стояла «Ангара» (с ее верхнего мостика), в просвет между Маячной и Золотой горами открывался свободный вид на юго-восточную часть горизонта. Ту именно, откуда обычно появлялись японцы.

³² В соответствии с современными правилами названия японских кораблей в русской транскрипции пишутся следующим образом: – броненосцы: «Микаса», «Асахи», «Хяцусе», «Сикисима», «Фудзи», «Ясима», «Тин-Эн»; – броненосные крейсера: «Ивате», «Идзумо», «Якумо», «Адзума», «Асама», «Токива», «Касуга», «Ниссин»; – быстроходные бронепалубные крейсера (у В. И. Семенова – «собачки»): «Титосе», «Касаги», «Такасаго», «Иосино»; – бронепалубные крейсера: «Идзуми», «Такатиохо», «Нанива», «Акаси», «Сума», «Тийода», «Акицусима», «Нийтака», «Цусима», «Отова»; – старые крейсера (суда береговой обороны): «Мацесима», «Ицукусима», «Хасидате», «Каймон», «Такао», «Цукуси»; – минные крейсера (авизо): «Мияко», «Тацута», «Яеяма», «Тихайя». Здесь и далее все названия японских кораблей и географических пунктов сохранены в транскрипции автора.

Странное, совсем новое, жуткое чувство испытывал я, вглядываясь в силуэты знакомых броненосцев, яснее и яснее вырисовывавшиеся в голубоватой дымке дали...

«Враги!.. Почему?.. Давно ли были друзьями?..» – мелькало в мозгу, и впервые почти бессознательно я чувствовал себя перед той колеблющейся завесой, которая скрывает от нашего умственного взора роковую тайну – смысл войны.

Вот «Асахи»... Командир – Номото. Старый приятель. Если бы сейчас он был здесь, лицом к лицу со мной, разве он не крикнул бы мне со своей знакомой широкой улыбкой: «Здравствуй, дорогой!» Нет! Там, далеко, на горизонте он готовит свою артиллерию, жадно ждет момента, когда флагман позволит открыть огонь, когда его 12-дюймовки бросят смерть и страдание в ряды его недавних друзей... Почему?.. Какая нелепость!..

Резкие звуки боевой тревоги мигом стряхнули очарование, навешанное странными грезами... Словно назло кому-то, словно заглушая чей-то голос, со дна души поднималось страстное желание, почти мольба, чтобы «они» подошли поближе, чтобы и нам, с нашими 120-мм пушками, довелось принять участие в предстоящем бою.

Бой не состоялся, японцы только прошлись в виду Порт-Артура и скрылись на западе.

В предположении, что они ушли на ночь в Печилийский залив, вечером отряд миноносцев³³ был послан следом за ними.

В ночь, как только зашла луна (около 1 ч) и вплоть до 4 ч утра японские миноносцы произвели целый ряд атак на «Ретвизан», но безрезультатно. С рассветом 13 февраля вернулись и наши, тоже безрезультатно, если не считать гибели «Внушительного». Им не посчастливилось. Они встретились с неприятелем уже при дневном свете, когда приходилось думать не об атаке, а о том, как бы самим унести ноги. Ведь лозунг «не рисковать, беречь суда» все еще был в силе. «Внушительный» почему-то замешкался и, отрезанный японскими крейсерами от Порт-Артура, бросился в Голубиную бухту, ища спасения.

Оказалось, однако же, что батареи берегового фронта не могли прикрыть его здесь своим огнем от огня японцев, которые не спеша расстреливали его, как на учении. В результате командир затопил свой горящий миноносец, а сам с экипажем благополучно добрался до берега и пешком прибыл в Порт-Артур.

Того же 13 февраля, около 10 ч утра опять появилась в виду Порт-Артура японская эскадра. Опять были высланы в море «Баян», «Аскольд» и «Новик». Держась в районе действия береговых укреплений, они завязали перестрелку, в которой приняли участие Электрический утес и одна из батарей Тигрового полуострова. Вскоре, по неравенству сил, их вернули в гавань. У нас потерь не было. Около часа дня японцы скрылись.

Вечером, ввиду особой предприимчивости, проявлявшейся неприятелем, с судов, обреченных на бездействие (в том числе, конечно, с «Ангара»), свезли десант – всего около 500 человек – на подмогу гарнизону. Надо заметить, что в то время все полевые войска – стрелки и артиллерия – находились в Цзинь-Чжоу, на Нангалине, в Дальнем и на других промежуточных позициях. Предписано было впредь свозить такой десант ежедневно.

За ночь было несколько тревог. Около 11 ч вечера открыли огонь береговые батареи, поддержанные «Ретвизаном». С моря отвечали. Слышался свист снарядов. Отчетливо видели, как один разорвался на южном склоне Золотой горы. Затем около 3,5 ч утра стрелял Электрический утес, а в 4,5 ч – мортирная батарея Золотой горы. В чем было дело? Кто именно подходил? – достоверно узнать не удалось.

Был ли в эти дни наместник в Порт-Артуре или уже отбыл в Мукден, – не знаю. В моем дневнике ничего об этом не записано, а так как ни в каких боях или стычках он непосред-

³³ Миноносцы, находившиеся в Порт-Артуре, были разделены на два отряда: 1-й состоял из более крупных, надежных, французской и немецкой постройки, а 2-й – из миноносцев, построенных собственными средствами по типу «Сокола». В смысле активной деятельности рассчитывали исключительно на 1-й отряд, второй же предназначался главным образом для охраны и сторожевой службы. – Примеч. авт.

ственного участия никогда не принимал, то на эскадре, кроме начальствующих лиц, никто не интересовался вопросом: где он и что делает?

В течение полутора недель японцев не было видно. Куда они делись? Далеко ли ушли? Скоро ли вернуться?.. Может быть, кое-кому и приходили в голову такие вопросы, но к разрешению их никаких мер не принималось...

– Послали бы нас на разведки!.. мечтала молодежь в кают-компании «Ангары», – ведь кроме этого дела ни на кой черт не годна наша посудина!..

Смелые мечты получили неожиданное разрешение. Приказано было... разоружаться.

«Ввиду решающего значения, которое при отражении японских брандеров всецело принадлежало скорострельной артиллерии броненосца «Ретвизан», чем обнаружился крупный пробел в организации обороны внешнего рейда и входа в гавань, и, принимая во внимание, что, с одной стороны, броненосец при первой возможности будет снят с мели и введен в бассейн, а с другой – что крепость не обладает средствами для усиления защиты входа, каковое признано необходимым, постановлено на обращенных к морю склонах Золотой и Маячной гор построить две батареи, вооружив их 120-мм орудиями с крейсера «Ангара», причем орудия расположить возможно ниже, т. е. ближе к уровню моря, дабы в полной мере использовать преимущества настильности и тем восполнить недостаток высоко расположенных орудий батарей берегового фронта, обладающих значительным мертвым углом, а потому и т. д.»...

Приблизительно так гласило официальное постановление.

С тяжелым сердцем принялись мы за работу...

Батареи строились нашей же командой, под руководством наших же офицеров, которым только давали указания военные инженеры. Изготовление деревянных и металлических частей временных установок орудий происходило частью в порту, частью на месте, средствами порта.

В общем, приходилось довольно трудно. Почти половина команды все время была либо на работах по постройке батарей, либо в десанте. Десант свозился не только на ночь, но иногда оставался на берегу и по суткам. Производились облавы и массовые обыски окрестных китайских деревень. На основании многих данных, главным образом ввиду той уверенности, с которой японцы обходили наши минные заграждения, являлось убеждение, что каждый наш шаг в точности известен неприятелю. Помимо самих китайцев, одинаково ненавидевших всех пришельцев и готовых за деньги служить и нашим, и вашим, в первые же дни войны в среде местного населения было обнаружено немало переодетых японцев. Установилось даже, как правило, при аресте подозрительного субъекта раньше всего дернуть его за косу, которая часто оказывалась привязанной. Но даже подлинность косы не всегда служила доказательством национальности. Выяснилось, что японцы давно готовились к войне. Их агенты издавна посылались в южный Китай (например, в Кантон). Там они отращивали себе косу, выучивались говорить по-китайски, приобретали все обличие кантонца и затем приезжали на Квантун, якобы искать счастье на заработках. В таких случаях пасовал самый опытный и преданный (т. е. хорошо закупленный) сыщик-китаец. Надо было иметь особо музыкальный, тонкий слух, чтобы в северо-китайском говоре уловить разницу в акценте настоящего кантонца и японца, много лет прожившего там же. Главной уликой служили необходимые ручные сигнальные фонари с угловым освещением (система вроде французской – «Le ratiere»). Очевидно, в обиходе мирного поселения или портового рабочего они были совершенно излишними. Шпион-сигнальщик с таким фонарем был почти неуловим. Забившись между камнями какого-нибудь мыса, он, повернув щель фонаря по известному направлению (конечно, в море), передавал по телеграфной азбуке какие угодно известия незримому во тьме разведчику, а патрули, обходившие берег, могли его обнаружить лишь случайно, наткнувшись на него, да и то врасплох. Ведь стоило ему совсем закрыть свой фонарь, забиться поплотнее между камнями или в расщелину скалы, и самый бдительный дозор, идущий ночью по незнакомому, усеянному препятствиями берегу, мог пройти вплотную, ничего не подозревая.

О том, что делалось в это время на сухопутном фронте, у нас на эскадре не имелось подробных сведений. Говорили, что спешно вооружаются, достраиваются и даже вновь строятся укрепления, намеченные по плану обороны, из которых к началу военных действий часть оказалась невооруженными, другие – не законченными постройкой, а к сооружению иных и вовсе еще не приступали. Все это было довольно смутное.

Погода стояла переменная. Февраль в Порт-Артуре похож на наш апрель. При ясном небе, штиле или маловетрии южное солнце так припекало, что на верхней палубе ходили, расстегнув тужурки; но стоило задуть доброму норд-осту – и картина резко менялась: появлялись полушубки и валенки. Так, 14 февраля налетела гроза с градом и после нее – мороз 5°; а 20 февраля после южного ветра при +3° Реомюра и дождя – вдруг замела настоящая пурга, навалившая на палубу сугробы снега.

На эскадре, замерзшей в своей неподвижности, господствовало настроение какого-то томительного ожидания?.. Путейцев, пользовавшихся услугами железнодорожного телеграфа, непрерывно осаждали вопросами: – Где Макаров? Когда приедет Макаров?.. 18 февраля прибыл в Мукден. Остановился на несколько дней для совещаний с наместником.

Это известие вызвало целую бурю.

– Нашел время разговаривать! Еще чего доброго канцелярщину разведут! Начнут решать вопросы, сноситься с Петербургом... Пиши – пропало! – сердились нетерпеливые.

– Этого не заговоришь! Этот не засидится! – возражали более уравновешенные.

На «Ангаре» мичмана (должен отдать справедливость, и до того весьма исполнительные) вдруг начали прямо надрываться в исполнении служебных обязанностей. Посылаемые с командой в десант или на постройку батарей, они по суткам не спали, питались чем попало и возвращались бодрые, веселые, готовые снова, хотя бы без отдыха, взяться за новую работу. Истинный смысл этого рвения вскоре же обнаружился, когда они, улучив удобный момент, чтобы остаться с глазу на глаз, поодиночке приходили ко мне в каюту и, после нескольких сбивчивых, запутанных фраз, вступлений, высказывали свои мечты уйти с разоруженного транспорта на боевой корабль. Каждый такой разговор неизменно заканчивался словами: – Адмирал вас хорошо знает; весь штаб – знакомый... Перевод мичмана – пустяки... Если я не гожусь – другое дело, но если... Вы сами можете судить... Обидно!.. Война, и вдруг – на транспорте!.. Неужели на боевом корабле не найдется мест?

Милая задорная молодежь! Как глубоко, как сердечно я им сочувствовал в их обиде!..

Глава IV

Прибытие С. О. Макарова. Подъем духа.

Первая бомбардировка с моря. Обучение эскадры выполнению простейших перестроений. На боевом корабле.

Печальные итоги стоянки в резерве. Макаровские директивы

24 февраля в 8 ч утра командующий флотом Тихого океана, вице-адмирал Макаров, прибыл в Порт-Артур и до принятия дел эскадры от вице-адмирала Старка, находившегося на «Петропавловске», поднял свой флаг на «Аскольде».

Взглядывая на этот флаг, многие из команды снимали фуражки и крестились. Царило какое-то приподнятое, праздничное настроение.

Кессон для «Ретвизана» был закончен постройкой уже несколько дней тому назад, но при подводке его на место оказалось, что он плохо рассчитан, не вполне закрывает пробойну, или вернее – ее ответвления, и, несмотря на работу мощных турбин землесосов, вода в броненосце не убывает. Приходилось при посредстве водолазов разыскать эти щели и, хотя временно, прикрыть их надежными пластырями. Как раз в день приезда вновь назначенного командующего

удалось выполнить эту работу. Броненосец всплыл и на буксире портовых пароходов был введен в Западный бассейн, где его поставили на бочки под носом «Ангары», к северу от нее.

– Хорошая примета! – говорили в кают-компании...

– Ишь, ты! Приехал – сейчас и распорядился! Не шутки шутит! Он, брат, сделает! – толковали на баке...

Первое время адмирал, конечно, с утра до ночи был занят приемом дел, ознакомлением с местными условиями и обстановкой, совещаниями с начальствующими лицами и т. д. Все же, выбирая относительно свободные минуты, он заезжал то на тот, то на другой корабль. До нашей «Ангары», очевидно, очередь могла дойти еще нескоро.

Посещения эти были в высшей степени кратки и все по одному шаблону. Адмирал выходил на палубу, принимал рапорт командира, знакомился с офицерами, здоровался с командой. Потом – осмотр помещений и опять обход фронта. Два слова одному, два слова другому. Иного узнает, вспомнит прежнюю совместную службу или плавание, иного спросит, что он делал в последнем бою, или вдруг заведет разговор с каким-нибудь комендором, спрашивает его, сколько выстрелов и за какое время он сделал, как брал неприятеля на прицел, вызовет на ответы, на возражения, даже словно заспорит... Потом – «До свидания, молодцы! Дай Бог, в добрый час!» – и уехал... Как будто ничего особенного – все, как всегда: а между тем каждое его слово, каждый жест немедленно же становились известными на всей эскадре. Казалось бы, что адмирал еще ничем не проявил своей деятельности, ничем не «показал» себя, но, путем какого-то необъяснимого психического воздействия на массы, его популярность, вера в него, убеждение, что это «настоящий», росли не по дням, а по часам. Создавались целые легенды о его планах и намерениях. Нет нужды, что эти легенды в большинстве случаев являлись апокрифическими: важно было то, что им если и не вполне верили, то страстно хотели верить. В среде личного состава эскадры, нашедшей наконец истинного вождя, проснулся ее старый «дух»...

И мне казалось, что мои мечты не обманули меня, что никакой гнет последних лет не в силах был погасить этот дух... Настал час – и, разбросав слой пепла и шлаков, он вырвался на свободу ярким пламенем, могучий и страшный...

В эти дни спутник по экспрессу, бравый путеец, не посмел бы сказать, что «сдали»!..

– А как же теперь с орудиями? Назад будем ставить? – обратился ко мне боцман тем совершенно особым, почтительно-фамильярным тоном, каким говорят боцмана со старшим офицером, конфиденциально осведомляясь о намерениях начальства.

– Какие орудия?

– Наши, которые, значит, на батареях...

– С чего ты взял?

– Я так полагал, Ваше высокоблагородие, что ежели нас вышлют к мысу...

– К какому мысу?

– К Доброй Надежде, контрабанду ловить... так нам без артиллерии не способно будет...

– Да кто тебе это сказал?

– Все говорят, Ваше высокоблагородие... сказывают, адмирал... Потому, какой ни есть крейсер, а надо использовать...

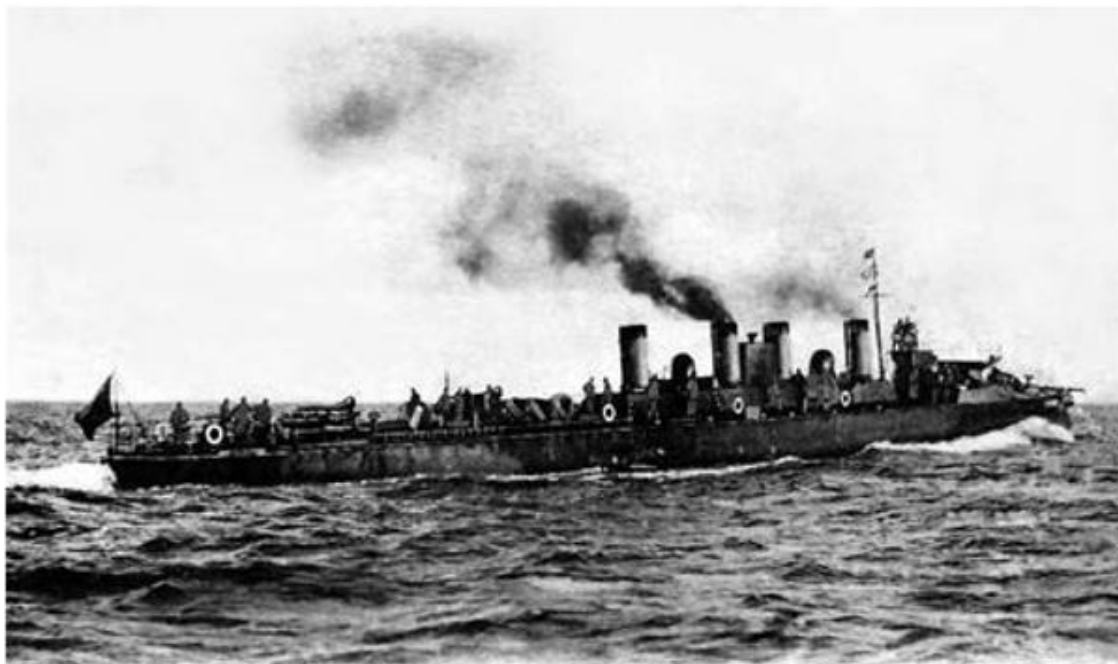
Может, это было и неразумно, и неосуществимо, но, право, хорошо...

Из Владивостока было известие, что с 12 по 18 февраля весь отряд крейсеров ходил в море, но безрезультатно. Все время пришлось бороться с жестоким штормом и пургой. Однако захватили какой-то небольшой японский пароход.

К вечеру, 25 февраля, мы «заслышали» японцев, т. е. наши приемные аппараты беспроводного телеграфа стали получать непонятные депеши.

В сумерках с «Ангары» видели, как оба отряда миноносцев – вся наша минная сила – вышли в море.

– Эге! Кажется, «Борода»-то не склонен «беречь и не рисковать»! – «Дедушка» не из таких! – толковали у нас.

Эскадренный миноносец «Стережущий»

«Борода» и «Дедушка» – это были любовные прозвища, данные Макарову в первые же дни его пребывания в Порт-Артуре.

Около 7 ч утра, 26 февраля, возвратился 1-й отряд наших миноносцев. Найти японскую эскадру ему не удалось, но на рассвете, уже в виду Порт-Артура, он встретился с отрядом японских миноносцев. Произошла горячая схватка на самой близкой дистанции. Стреляли даже минами, пуская их по поверхности. «Властный» утверждал, что именно от такой его мины затонул один японский миноносец. На самом «Властном» была подбита машина, и отряд вернулся в Артур. Потери: ранен начальник отряда, один механик обварен паром, а из команды один убит и несколько ранено. Должен пояснить, что всякие новости, благодаря переговорам ручным семафором, немедленно же делались известными всей эскадре.

Двум миноносцам 2-го отряда – «Решительному» и «Стережущему» – не посчастливилось. Также не найдя японской эскадры, они при возвращении были отрезаны от Порт-Артура неприятелем втрое сильнейшим. Здесь дело вышло еще жарче – настоящая свалка, так как надо было прорываться. Едва не дошло до абордажа. Рассказывали даже, что одному японцу удалось перескочить на палубу «Стережущего», где он ударом сабли успел свалить кого-то из офицеров, но и сам, конечно, был немедленно убит. «Решительный» прорвался, на «Стережущем» же, как оказалось, вероятно от неприятельского снаряда или осколка, взорвалась мина в одном из кормовых аппаратов. Корма потерпела страшное разрушение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.